

Глава VII. ИЮЛЬ – ДЕКАБРЬ 1919

Деникин переформировывал войска и сведения разведывательного отдела штаба Южного фронта о вооруженных силах белогвардейцев на 20 июля 1919 г. гласили:

«...2 Кубанская армия состоит из четырех корпусов: Покровского, Шкуро, Улагая и Шатилова, из них корпус Шкуро действует на Полтавском направлении...

3. Добровольческая армия состоит из 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 6-й и 7-й пеших дивизий, сведенных в три корпуса, 1-й, 9-й и 12-й конных дивизий, 9-й, 10-й, 11-й и 12-й конных дивизионов.

Вся Добровольческая армия действует против фронта 14-й и 13-й армий...

Кубанская армия самая боеспособная и надежная в политическом отношении. Обучена, обмундирована и снаряжена армия великолепно, дисциплина на должной высоте, офицерский состав подготовлен отлично, отличается высокой нравственностью и пользуется любовью и авторитетом у казаков.

Армия состоит преимущественно из конницы, способной к нанесению неожиданных сильных ударов и быстрому преследованию. Боеспособность ее неоднократно подтверждалась действием армии вообще, а корпусов Шкуро и Покровского в особенности.

Добровольческая армия состоит преимущественно из пехоты, она способна к наступлению и упорной обороне, но ограниченное число конницы не позволяет ей вести быстрое преследование противника и в полной мере использовать достигнутый успех. Армия обучена, обмундирована и снаряжена отлично. Командный состав находится на должной высоте и пользуется любовью и авторитетом добровольцев.

Большую устойчивость армии придает офицерский состав, который занимает все должности до взводного командира включительно, а в технических частях — даже в качестве рядовых бойцов.

В настоящее время противник производит мобилизацию в занятых им областях с целью пополнения действующих на фронте частей, так как состав последних очень незначителен вследствие понесенных потерь...

Группа генерала Кутепова из корпусов Покровского, Улагая, Шатилова и 6-й добровольческой дивизии после падения Царицына почти целиком освободилась и может

быть переброшена противником на фронт любой армии для продолжения развития достигнутых им успехов»[637].

Мало того, что войска Деникина были численно и качественно на должной высоте, но и его разведка и офицеры-спецы, которых троцкисты широко насаждали в красных штабах и командовании, работали весьма эффективно.

Так, например, белогвардейский агент генштаба полковник Соколовский в докладе полковнику Баумгардену сообщал:

«С приходом большевиков я получил в 15-х числах февраля 1919 г. предложение от представителя Верховного командования Добрармии полковника Ерарского, переданное через полковника Станиславского, поступить в один из штабов большевиков для информации Добрармии.

Приняв это предложение, я в первых числах марта месяца поступил в Киевский губвоенкомат, мобилизационный отдел. Имея в своих руках дело мобилизации и формирования Красной Армии, я сразу же повел дело так, что ни одно формирование не могло пройти, а мобилизация, объявляемая в самые неподходящие моменты, не давала никакого результата. Формируемые 4-я и 5-я Укрдивизии, а также все вспомогательные и местные части так и остались на первой стадии развития. Приказы же о мобилизации пришлось все время отменять.

В оперативном отношении для облегчения положения Добрармии было положено в основу не давать ни одного штыка в Донецкий бассейн, а для этого состоялись многочисленные доклады об угрожающем положении внутреннего фронта.

...Недоформированные части бросались одна за другой на внутренний фронт и окончательно гибли. Для отвлечения лучших сил был разработан доклад о формировании полков особого назначения. В полки были взяты лучшие кадры средств полевых формирований, а это окончательно нарушало: весь план спешного формирования.

В итоге к концу апреля на Донской фронт почти ничего не отправлено, мобилизация дала плачевные результаты, внутренний фронт удерживал до 32 000 войск.

...Однако к концу апреля я решил перейти в Большой штаб, что и удалось сделать; я занял должность помощника начальника отдела обороны штаба Наркомвоен. Снискав полное доверие, я с первых же дней взял в свои руки дело формирования. В оперативном отношении я составлял только доклады об угрозе развивавшейся анархии внутреннего фронта. Большинство; служивших в Наркомвоен офицеров генштаба, поддерживали высказываемые мною предложения. Сам же Подвойский всецело подчинялся нашему влиянию.

Программа работы была такова: а) сбор ценных сведений для центра, б) извлечение всех ценных документов, в) получение дислокации и боевых, предписаний, г) разрушение вновь создавшейся Украинской армии, д) работа по обострению отношений Укрфронта и Наркомвоен, е) разжигание угрозы внутренней смуты и мятежей, систематическое

запугивание, ж) оттягивание всех лучших сил на внутренний фронт, з) борьба всеми силами с посылкой подкрепления на Донецкий фронт.

Что касается разрушений армии, то работа дала блестящие результаты. Подвойский, подпавший всецело под влияние моих проектов, одобрил ряд таких неосуществимых формирований, переварить которые Украина не могла бы и в несколько лет. Создавалось сразу шесть дивизий, отдельные бригады, местные формирования, всего общим числом на 280 000 штыков, 85 000 лошадей и масса вспомогательных частей. Планы менялись чуть ли не ежедневно, все это окончательно дезорганизовывало все формирование.

В лучшие моменты вся Украинская армия, формируемая Наркомвоен, давала такие цифры: 42 000 штыков, 2 200 лошадей. Некомплект был колоссален, официальные отчеты были другие, там цифры были до 100 000 штыков и 100 000 лошадей (все дутые цифры).

На почве формирования возникла целая переписка упреков между комфронта Антоновым и Наркомвоен Подвойским, переписка и ответы составлялись мною. Ответ Антонову настолько обострял отношения, что вмешался[638] центр московский, и в результате получилась отставка Антонова. Одновременно разжигался вопрос о внутреннем фронте»[639].

Дальше в таком же духе, полковник Соколовский рапортует о своей предательской работе в качестве начштаба внутреннего фронта у т. Ворошилова.

В это же трудное время бывший царский полковник, ставший командующим 9-й армии, Н. Д. Всеволодов вредительски планировал военные операции, что привело к огромным потерям, а под Поворино, в самый ответственный момент, вообще вместе со штабом армии перешел к белым.

Примеров действия военспецов как вредителей масса. Враги строили и претворяли в жизнь свои разрушительные для завоеваний революции планы. На Украине это особенно касалось повстанчества и махновщины.

Освобожденный от руководства в армии бывший командукр Антонов-Овсеенко стремился принести пользу общему делу. Он анализировал, намекал, предлагал и газета «Известия» писала:

«В чем наша слабость.

Главный удар направлен Деникиным в тыл восточному фронту. Против Украины им двинуты сравнительно ничтожные силы...

Однако, не приходится отрицать того, что мы обнаружили недостаточно сил перед наглым врагом.

В чем же причина этой относительной нашей слабости?

Принято ныне ее искать в так называемой “партизанщине”. Но слово “партизанщина”, равно как и слово Тарасова-Радионова — “кустарничество” употреблено здесь по недоразумению.

Суть же дела в другом. Не “период партизанщины слишком долго затянулся на Украине”, а период повстанщины.

Советская Украинская Армия выросла из повстанческих отрядов, и этот повстанческий характер ею еще далеко не изжит...

Чтобы сделать Повстанческую армию, это добровольное крестьянское (в подавляющей своей массе) ополчение, пропитанное разлагающими мелкобуржуазными стремлениями и узко-местническими интересами, чтобы эту армию сделать подлинно советской, сознающей общегосударственное свое значение, необходимо было ее спаять централизованным военным механизмом, способным планомерно удовлетворить все запросы армии и планомерно руководить ее действиями.

Необходимо было, прежде всего: 1) от отрядной системы перейти к регулярно-штатной, 2) уничтожить все следы выборного начала в частях, провести строго проверенный советский командный состав, 4) планомерно проведенными мобилизациями закрепить за военной службой обязательный характер и 5) напряженной и неустанной политической работой внутри самих частей сплотить их вокруг объединяющей идеи Советской власти.

На Украине не оказалось такого военного аппарата, который смог бы выполнить к сроку указанную работу. Такой аппарат только еще налаживается Народным Комиссариатом по военным делам.

Повстанческие отряды организовывались не одними коммунистами. В них сплошь да рядом имели влияние партии, чуждые духу классовой пролетарской дисциплины, вносящие, напротив, в ряды Украинской Армии начала разложения, своевольтства, самостийности. Для борьбы с этим тлетворным влиянием коммунистами на Украине было сделано слишком мало, почти никакой политической работы коммунисты в армии не вели.

Мобилизации стали проводиться на Украине нами только в самое последнее время, и принцип обязательности военной службы советскому строю остался совершенно не привитый украинскому крестьянству и рабочим.

Надежного, опытного и, главное, пользующегося доверием красноармейцев, командного состава взамен “атаманов”получить было неоткуда. Россия прислала лишь горсточку т. н. “красных офицеров”, Украинские военные школы еще не выпустили своих питомцев. Куда надежнее этих последних, пополняемых частенько мещанством, были бы выученики инструкторских школ, учрежденных нами при наших полевых дивизиях и заполняемых из среды самих повстанцев, но и тут надо ждать.

Замена же вождей повстанчества офицерами старорежимными, при всей военной опытности последних только убивала боеспособность наших частей, которых главная сила и была в этом единении вождей и “массы”.

Но всего печальнее обстояло дело со снабжением. Центру никак не удавалось поставить в зависимость от себя воинские части в этом отношении, ибо центр оказывался бессильным в удовлетворении не только вещевым довольствием, но даже пищей и фуражем.

Воинские части и военный центр были лишены права самостоятельных заготовок, а органы наркомпрода не удовлетворили и одной сотой потребности армии.

Армия оставалась полураздетой, полубосой, полуголодной. Армия жила на “подножном корму”. И влияние всяких батек и атаманов-добытчиков крайне упрочивалась, несмотря на переход от отрядов к регулярным полкам.

Дорога для бандитизма оставалась широко открытой.

Обеспечение семей красноармейцев на Украине также не было налажено. И это отсутствие забот со стороны государства мало способствовало в закреплении в сознании красноармейцев общегосударственного значения армии.

На Украине слово “все для фронта” было долгое время только словом.

Героические подвиги Красной Армии забывались тотчас по их совершении, но оставался и рос один вопль — о военной диктатуре, о военном засильи.

Все учреждения, немедленно по завоевании власти, стремились рассестись за спокойной планомерной работой, совершенно не считаясь с потребностями продолжающейся войны.

Несогласованность темпа в военной и остальной государственной работе была крайней. Вместо того, чтобы милитаризировать все органы управления, ввести в них железную дисциплину и тягчайшую революционную ответственность, непрерывный напряженный труд — стремились отделаться от вопросов военщины и ответственность за все растущую разруху свалить на эту последнюю.

Так было во всем. Стоит ли останавливаться отдельно на совнархозе с его мертвенным отделом военных заготовок, на ведомстве железных дорог, не могущим наладить снабжение дорог топливом и справиться с целыми кладбищами паровозов и вагонов на некоторых станциях и т. д. Хромала также в сильной степени и издательская деятельность нашей партии...

При такой мертвенной работе справиться с могучей задачей пересилить стихийный порыв поднятых восстанием рабоче-крестьянских масс в организованное стройное планомерно оформляемое движение — нам оказалось не по плечу.

И мы имеем не то, что должны были бы иметь, что могли бы иметь»[640].

Далее в другой статье Антонов-Овсеенко анализирует ряд просчетов и ошибок проводимой общеполитической линии на Украине:

«Развитие классовой борьбы в деревне должно было неизбежно разлагать Повстанческую армию. На Украине этот процесс был обострен и ускорен рядом привходящих причин.

Для крестьян Украины Советская власть была приемлема, как власть освобождающая от помещичьих пут. Но господствовавшее на Украине стихийное мелкобуржуазное

самостийничество, подогретое частой сменой различных политических режимов, враждебно централистским стремлениям Советской социалистической власти.

Предрассудки середняка-крестьянина (а это основной тип украинской деревни) плохо мирятся с классовым содержанием диктатуры городской и деревенской бедноты.

Это прежде всего отразилось на судьбах продовольственной политики Советской власти. Расстроенная производственная жизнь не дает возможности поставить правильно товарообмен. В условиях бестоварья в крестьянской стране хлебная монополия, продовольственная диктатура Наркомпрода должна была встретить резкое противодействие. Не получая в обмен ничего необходимого по хозяйству, по жизни, крестьянство крайне неохотно расстаётся с хлебом.

Политика Наркомпрода взывала к отчаянной борьбе за хлеб, вызывала крестьянские бунты. В некоторых уездах, например, Литинском, Летическом, эти бунты носили характер прямого выхода деревни на город за продуктами фабричного производства...

Борьба за хлеб тем более обострилась на Украине, что продовольственная политика вначале проводилась силами самой деревни. Крестьянство, еще не сложив на местах органов Советской власти (Наркомвнудел, пожалуй, самый мертвенный из наших комиссариатов), не наладив своих комбедов, опорных пунктов для проведения советской политики в деревне, увидело продармейцев, услышало о борьбе с мешочничеством, о реквизициях, о чрезвычайках.

Другой чрезвычайно важный для крестьян комиссариат — земледелия — также довольно неуклюже подошел к особенностям Украины.

В стране, где индивидуализм в земледелии чрезвычайно силен, где община давно изжита, где преобладает крестьянин-середняк, пропаганде лозунга коммунизма в земледелии надлежало посвятить значительно больше внимания, чем это было на самом деле. Надо было организовать это дело не останавливаясь перед затратами сил и денег, чтобы сразу пресечь в корне кулацкую агитацию против “насильственных” коммун и т. д. Эта работа защищала бы и лозунг советских хозяйств, который тоже не мог быть сочувственно принят резко индивидуалистическим крестьянством. Украина еще не изжила полосы буржуазно-демократической революции, и это обстоятельство предъявляет особо высокие требования нашей коммунистической пропаганде. Ее надо было вести так, чтобы возвещенный 8-м съездом союз с середняком, несмотря на все трудности осуществления его в условиях украинской действительности, все же из слов был претворен в дело. К величайшему сожалению этого не случилось.

В этой же плоскости недочетов общеполитической линии лежит допущенный нами ряд национальных бестактностей. Нельзя, конечно, не стремиться к объединению государственных организмов, родственных советских республик. Но совершенно необходимо, чтобы сознание всей великой целесообразности такового объединения было жизненно, опытом воспринято широкими народными массами. В силу известных причин, национальное чувство крайне обострено на Украине, особенно в правобережной.

Совершенно недопустимо так неосторожно царапать по этому больному месту, как это проделывалось неоднократно некоторыми не в меру ретивыми нашими централизаторами.

В достаточно широких слоях рабочих и крестьян Украины призывы “незалежников” уже не встречают никакого сочувствия, но и обратные требования иных централизаторов одинаково для них неприемлемы. Совместная суровая борьба с общим врагом, совместная трудовая жизнь братских республик вскоре сгладит все недоразумения, все острые углы, отточенные исторической несправедливостью, но пока что больше вдумчивости и осторожности в национальном вопросе. Никаких поблажек мелкобуржуазным элементам, сплошь да рядом протаскивающим контрабанду русификации под красным флагом пролетарского централизма.

Помимо этих основных недочетов советской политики на Украине нельзя не отметить и некоторых второстепенных, сопутствующих ей уже совершенно зря.

На Украине, напр., настоящим чертополохом расцвел советский бюрократизм. Центральные учреждения чрезмерно распухли, провинции обнищали общественными работниками. Вместо живого дела — “циркуляризация”. То, что клеймил в одной из своих речей тов. Ленин — диктатура нескольких десятков тысяч вместо диктатуры миллионов бедноты, неестественная вялость в привлечении широких масс трудящихся к строительству новой жизни, советский аристократизм вместо равенства... Антонов (Овсеенко)»[641].

В июле 1919 г., когда деникинцы заняли громадную территорию, захватили инициативу и с победными фанфарами шли к Москве, советское руководство обратило внимание на неспособность некоторых военных руководителей одерживать победы. Так, 4 июля был смещен Главком Вацетис и на его место назначен С. С. Каменев[642] (1881 –1936), бывший полковник генерального штаба царской армии. 13-го освобожден Командюж Гиттис[643], бывший командир полка царской армии, и на его место назначен Егорьев[644], 18-го освобожден Командарм 14-й армии К. Ворошилов, и на его место назначен Егоров А. И.[645], бывший подполковник царской армии. 21-го июля освобожден комдив Крымской П. Дыбенко, прокомандовавший этой дивизией 20 дней, и на его место назначен Федько И. Ф.[646].

Примерно в это же время, покинувшая нас упомянутая выше группа анархистов-террористов во главе с Ковалевичем, Соболевым и Глазгоном, всего 25 человек, добралась до Харькова, ставя себе цель организацию побега арестованных Донецким трибуналом махновцев. Но опоздала. Группа, решив отомстить за невинные жертвы, выехала в Москву, где одной из первых, большим тиражом выпустила следующую листовку:

«ГДЕ ВЛАСТЬ — ТАМ НЕТ СВОБОДЫ.

ПРАВДА О МАХНОВЩИНЕ.

Товарищи рабочие, крестьяне и красноармейцы.

В кошмарные дни обращаемся мы к вам с нашим словом.

В дни, когда кучка подлых насильников, прикрываясь именем “Рабоче-Крестьянского Правительства”, творит подлое дело, дело удушения революции, расстрела всех инакомыслящих крестьян и рабочих и гнусного предательства партизанской армии имени Батько Махно.

В эти кроваво-кошмарные дни, когда кучка зарвавшихся красных деспотов, продает вас оптом и в розницу. Когда партия большевиков, партия красной контрреволюции, определенно направила свои шаги к подавлению революции, когда красные социалистические палачи залили всю землю кровью революционных рабочих и крестьян. В дни полного победно-торжествующего шествия контрреволюции под красным флагом. В эти последние решающие минуты, обращаемся мы к вам с призывами, к борьбе с насильниками-поработителями и с правдой о махновщине.

Партизанская армия имени Батько Махно, состоящая из революционных рабочих и крестьян, эта та армия, которая очистила территорию Украины от всей контрреволюционной сволочи. Армия, которая в большинстве случаев, благодаря “Рабоче-Крестьянскому Правительству”(!?), сражалась одними берданками и шомпольными ружьями, не имея даже достаточно патронов к ним. Ибо патроны, винтовки и пулеметы необходимы были здесь в тылу “Рабоче-Крестьянского Правительства” для расстрелов и подавления рабоче-революционного движения.

Армия, которая в своем энтузиазме стремилась в завоеванных местностях к организации безвластных трудовых экономических Советов. Эта армия продана и предана!

...Весь трудовой народ Мариупольского, Бердянского, Александровского и др. уездов, отданы на разграбление и уничтожение бандам Деникина.

Иуды революции устрашились свободного революционно-повстанческого движения.

Мысль потерять свои мягкие троны толкнула их во главе с красным палачем Троцким на самое гнусное предательство, — продажи революционной армии.

Но зная, что за Махно идет вся сознательная революционная масса трудового народа и видя, что все сознательные красноармейцы, понявшие, что освобождение трудящихся должно быть делом самих трудящихся, переходят массами на сторону повстанцев и, видя, что даже приказ Троцкого о заградительных отрядах и о расстреле всех красноармейцев, уличенных в сочувствиях повстанческому движению, не может остановить того массового перехода красных на сторону вольного повстанческого революционного движения и, видя, что никакие грязные провокационно-подлые слухи распускавшиеся красными палачами, не могли задушить пробуждавшегося сознания масс, не могли загрязнить того светлого народного идеала и безвластных экономических Советов.

Социалистические палачи не решились повести прямого открытого наступления на народное освободительное повстанческое движение, ибо они знали, что такой открытый предательский шаг поглотил бы их, снес бы их в пучину народного негодования. Зная, что массы все-таки на стороне революционного движения, и что красный деспотизм не встречает в широких слоях населения ни малейшего сочувствия, они учли это, — и все

время, несмотря на неоднократные запросы штаба Махно о присылке патронов и снарядов, отказывали в этом. Повстанцам приходилось вести томительную и упорную борьбу с прекрасно вооруженным противником, почти без оружия, напрягая все силы, сдерживая натиск противника, и гнать его. Своим единодушным стремлением к освобождению от всякого ига и гнета палачей они были сильны. Из сочувствующих широких народных масс они черпали силы для дальнейшей борьбы и, только благодаря своему революционному энтузиазму они почти вплотную подошли к стенам Таганрога.

Все местности, все области, через которые проходили повстанцы, были заражены повстанческим освободительным движением. Масса с радостью шла на борьбу за безвластные трудовые экономические Советы.

Разрастающееся революционно-повстанческое движение испугало современных шутов власти. Не видя иного исхода, дрожа за свои троны, они открыли фронт. Все красные части, находившиеся по линии Луганск-Юзово-Гришине, были оттянуты, фронт был открыт, чем дали возможность зайти частям ген. Шкуро в тыл повстанцам и уничтожить находившихся без патронов несколько тысяч повстанцев.

Повстанческой армии приходилось принимать удары с трех сторон. Благодаря такому положению, расстройству фронта, им часто приходилось быть в кольце.

Оружия не хватало. Патронов не было, и, пусть не указывают предатели троцкисты-большевики, на паническое отступление армии. Они добились своего. Махновщина задавлена. Но пусть знают Иуды, что она не убита, ибо повстанчество, как народное движение, убить нельзя.

Среди кровавой оргии властителей мы слышим злорадствующий смех властелинов. Но знайте, что повстанцы еще не сказали последнего решающего слова. Оно за ними. Махно был отстранен по приказу Троцкого.

Считаясь с положением фронта, он счел необходимым воздержаться от каких бы то ни было действий.

Он с товарищами ушел в народную массу, где и будет продолжать свою революционную работу, стремясь к освобождению трудящихся...

Повстанцы, как ни больно было им покидать фронт, но считаясь с тем, что все это было сделано красными подлецами умышленно, они не пожелали остаться в рядах красных палачей и бороться за установление нового красного кошмарного деспотизма. Они не сдали оружия, ушли в леса, откуда и поведут беспощадную и решительную борьбу со всеми насильниками трудового народа.

Штаб Махно по требованию провокатора Троцкого был арестован и расстрелян социалистическими палачами, ибо красные вандалы не считаются со старыми инакомыслящими революционерами-каторжанами. Но пусть знают подлые убийцы Троцкий, Пятаков и прочая сволочь, что рука мстителя висит над ними. За каждого расстрелянного революционера-анархиста-повстанца будут сняты десятки красных палачей.

Палачи, применяющие террор, от террора и погибнут. Это аксиома. Люди, своими штыками поддерживающие палачей, расстреливающие рабочих и крестьян, подавляющие свободное революционное движение трудового народа, да погибнут вместе с палачами.

Результаты предательства вам известны, товарищи рабочие и крестьяне. Украина продана, желание предателей удовлетворено.

Но одна ли Украина? Не затронет ли банда белых насильников и вотчину красных палачей. Удастся ли властелинам удержаться на своих тронах, ибо армия, построенная на насилии, это мираж. Не лучше ли, товарищи рабочие и крестьяне, взять дело освобождения в свои руки. За вами, товарищи, последнее решающее слово.

Революция гибнет. Красная контрреволюция шествует, опираясь на штыки бессознательных рабов. Могильщики революции творят свое подлое дело. Мы верим, что у вас еще живо революционное стремление к своему освобождению верим, что у вас еще живы чувства человека, а не зверя.

Встаньте же на защиту попранной человеческой личности. Мы верим, что вы скажете свое веское слово в защиту распятой, оплеванной и залитой кровью, расстрелянной свободы. Мы верим, что все, в ком жив еще человеческий разум, в ком еще не задавлено совершенно сознание, те будут с нами.

Так проснитесь же, люди. Если вы еще чувствуете себя людьми.

Долой красных палачей.

Долой насилие, произвол и разгул красных опричников.

Проснитесь люди. Стряхните гнет, порвите цепи, которыми опутали вас. Они сильны вашим бездействием, вашей рабской покорностью.

Довольно рабского пресмыкания у ног власти.

К оружию на защиту распятой революции.

К оружию на защиту отнятых прав трудового народа.

Ни единого человека в ряды красных палачей.

Организуйтесь в вольные подпольные боевые дружины, на борьбу со всеми насильниками и поработителями.

Да здравствуют свободно избранные безвластные экономические Советы.

Да здравствует солидарность трудящихся.

Да здравствует конфедерация труда.

Да здравствует вольная жизнь на новых анархо-коммунистических началах.

Да здравствует Анархия.

Организация анархистов подполья “Равенство и воля”»[647].

Белые стремились прорвать фронт 14-й армии и, продвигаясь через Лозовую, Полтаву, Знаменку, Елизаветград, двинуться на Киев, Одессу, Николаев.

Деникин хотел, кроме овладения богатыми ресурсами Украины, создать сплошную линию антисоветского фронта, установив контакт с наступавшими с запада войсками белополяков, Петлюрой и войсками Западно-Украинской народной республики.

В результате ухода в неизвестном направлении двух полков бригады Богунского, защищавшего Полтавский участок, белые 29 июля[648] без боя заняли г. Полтаву.

Происшедшее объясняет политсводка Политотдела РВС 14-ой армии от 31 июля 1919 г. В ней говорится:

«...Бригада Богунского.

Командсостав подстрекал красноармейцев к открытому выступлению против коммунистов. Арест Богунского послужил поводом к выступлению командсостава, пользующегося громадным авторитетом среди красноармейцев.

Полки снялись с позиций (10-15 верст северо-восточнее Конграда) и дезорганизовано пошли по направлению к Золотоноше. Они на пути грабят население, убивают коммунистов и сотрудников ЧК, и намерены соединиться с зеленовцами. Эти части прошли через Сухорабовку-Поповку в числе 500 человек кавалерии и пехоты при пулеметах и пяти орудиях, утром 30-го сего месяца»[649].

Комбриг Первой Украинской советской дивизии Щорса, Богунский был заподозрен, 27-29 июля 1919 г. арестован и убит по личному указанию Троцкого (вскоре подобным коварным способом будут умерщвлены и комбриг 3-й бригады Т. В. Черняк (10-го августа), комбриг 2-й бригады В. Н. Боженко (21 августа), а 30 августа 1919 г. инспектором Танхиль-Танхилевичем будет убит и сам Н. А. Щорс)[650].

В тот момент Л. Троцкий писал:

«...Полтаву предал беспорядок в самой Красной Армии. У нас два полка из бригады бандита Богунского самовольно снялись и пошли, куда глаза глядят. Вот кто предал Полтаву. При смене негодного командира начинается митингование шкурников и бездельников: принять или не принять нового, поставленного Советской властью командира? По поводу боевых приказов опять разговор, пересуды, митингование...»[651].

К 31 июля нами были оставлены с. Користовка, г. Александрия (резиденция Григорьева) и с. Верблюжка.

Такое положение на севере вынуждало наши три южных участка к немедленному отходу. Но они топтались на одном месте, удерживая переправы на Днестре, где противник разбросал свои силы ротами и сотнями, группируясь против Кичкаса, Каховки и Кичкаровка. И по приказу 31 июля мы начали без боя покидать правый берег Днестра и отходить на линию Херсон, Снегиревку, Березнеговатое, Казанку и Долинскую. Отступление проходило без боя, а это отрицательно действовало на части и без того подвергавшиеся разложению.

Красноармейцы и махновцы спрашивали друг друга: «До каких пор будем так позорно отступать, не видя противника? Когда, наконец, перейдем в наступление?»

В полках митинговали.

Все чаще и громче звучало требование перейти в наступление, избрать надежных, боевых командиров, а трусов и предателей судить по законам революции.

Несколько полков, заняв боевые позиции, категорически отказались отступить. И стоило большого труда уговорить их продолжать отступление.

1-го августа 1919 г. Крымская советская дивизия переименовалась в 58-ю стрелковую дивизию с 22-х летним И. Ф. Федько во главе. Комбригами были назначены: А. Шишкин, Л. Маслов, Г. Кочергин[652].

В Москве были обеспокоены активным бегством красных войск на Украине перед малочисленными силами белых и предложением командования этих войск и Троцкого об отводе их со всего юга Украины с целью сохранения.

В ответ на это в Директиве Главного командования командующим 12-й и 14-й армиями об организации обороны юга Украины от 7-го августа говорилось:

«Ознакомившись с предложениями совещания в оперативной их части, полагаем, что оставление Одессы и всего юга Украины с планомерным отводом трех дивизий на линию Рейментаровка-Жмеринка не соответствует общей обстановке Южного фронта, так как такой отход совершенно развяжет руки противнику, оперирующему в районе южнее Кременчуга, и он не замедлит использовать освободившиеся части для противодействия нашему подготовляющемуся главному удару. Мысль о возможности сохранить части при большом отходе, без давления противника, и к тому же через районы восстаний следует вовсе откинуть, так как опыт гражданской войны показал обратное. 14-я армия и западный фронт 12-й армии должны во что бы то ни стало всемерно сдерживать противника, так как только этим путем они прикуют к себе противника и тем выполнят свое назначение в общем плане действий. Кроме того, от Кременчуга до Вапнярки более 300 верст, и, следовательно, южным дивизиям не грозит непосредственная опасность быть отрезанным...»[653] Троцкий же запротестовал, настаивая на отводе частей Красной Армии из Одессы и Николаева. На что в адрес Председателя Реввоенсовета Республики Троцкого 7 августа 1919 г. было отвечено:

«Политбюро Цека, обсудив поднятые Вами серьезнейшие вопросы, предлагает выполнить по этим вопросам директиву Главкома Южфронту и XII армии, которая будет передана

немедленно.

С своей стороны Политбюро настаивает, чтобы Одессу не сдавать до последней возможности.

За Политбюро Цека Ленин»[654].

И в подтверждение 9-го августа телеграмма Троцкому, копия Раковскому;

«Политбюро Цека просит сообщить всем ответственным работникам директиву Цека: обороняться до последней возможности, отстаивая Одессу и Киев, их связь и связь их с нами до последней капли крови. Это вопрос о судьбе всей революции. Помните, что наша помощь недалека.

За Политбюро Цека Ленин»[655].

На 10-е августа 1919 г. линия фронта проходила от Черного моря до Каспийского, расстоянием в 1 820 верст.

К этому времени южный фронт получил достаточное подкрепление, в результате 8-я, 9-я, и 10-я красные армии насчитывали в своих рядах свыше 180 000 штыков и сабель с соответственным количеством орудий и пулеметов. Таким образом, мы превосходили силами Деникина и, казалось, не только приостановим его дальнейшее наступление на Дону и Волге, но и будем в состоянии отбросить к Черному морю. Кроме того, с Урала подходили резервы, освободившиеся с Колчаковского фронта. В основу плана наступления командованием была положена идея изолировать армию Деникина от Дона и Кубани, откуда он черпал пополнение. В развитие плана командование решило нанести контрудар в двух главных направлениях: с фронта Балашов-Камышин на нижний Дон-Царицын и с Курско-Воронежского на Харьков, Купянск, Валуйки. Решающим участком был намечен Балашов-Камышин.

В обоих направлениях противник был сбит. За 12 дней 8-я армия овладела Волочанском, Купянском и Валуйками, подойдя на 60 верст к Харькову. 9-я армия выдвинулась на линию среднего Дона и достигла станиц: Усть-Медведицкой, Вешенской, Казанской, Мигулинской, то есть того злосчастного района, который все время восставал против Советской власти. Казачество этих станиц поголовно мобилизовалось и поклялось не сдаваться. Деникин, таким образом, получил значительное подкрепление, а Красная Армия встретила жесткое сопротивление. И 9-я армия таяла в бою с повстанцами, когда конный легкий (без обоза) корпус генерала Мамонтова (600 сабель, 3 000 штыков при 12 орудиях), прорвавшись 10 августа у Новохоперска, рейдировал на 200 верст в ее тылу, захватив города: Тамбов, Елец и Воронеж.

Что касается участка 14-й армии, то там была полнейшая паника и деморализация, ибо армия имела еще и весьма бурлящий тыл. В нем действовали партизанские отряды: Махно, Бондаря, Зеленого, Соколова, Струка, Клименко[656], Шубы, Чередняка и др., организовывая крестьянские восстания. Эти отряды поддерживались наступлением с запада Петлюровской армии, которая к 15 августа успела выдвинуться в Каменец-Подольск,

Могилев-Подольск, Проскуров и дальше наступала на Киев.

Многие партизанские отряды организовывались и действовали и в тылу Деникина.

Так в информационной сводке отдела связи ЦК КП(б)У от 10 августа 1919 г. говорилось:

«Линия Екатеринослав-Синельниково также находится под угрозой постоянных повстанческих налетов. Действуют в этом районе преимущественно махновцы. Есть сведения, что движение поездов на этом участке приостановлено, что можно всецело отнести к успехам повстанцев...»

Деникин во время пребывания в Екатеринославе в речи, обращенной к казакам, отметил опасность, грозящую им со стороны повстанцев. Он сказал: «Братья казаки. Нам не страшна та Красная Армия, которая стоит на фронте, нам страшна армия, стоящая в тылу...»[657].

И это действительно было так.

В докладе, например, агентов Зафронтбюро в ЦК КП(б)У говорилось:

«...Девятнадцатого назначили день выезда, не можем не написать в докладе за действия партизан, которым мы были свидетелями. Четырнадцатого сентября мы были на станции Пятихатки, вечером ожидали поезда на Кривой Рог, думали пробраться туда; поездов на станции не было, было много народа, вся гуляющая публика, на перроне жители Пятихаток, а в зале первого класса офицеры и приглашенные девицы высшего общества. Дряни туда не пускали, как выражались сами офицеры. Играл оркестр музыки, демонстрировалась с вечера часов до 11 картина. После осветили зал специально сделанным фонарем из трех цветов посреди зала, и начался бал-маскарад и танцы. Как мы узнали, бал устроили офицеры в честь взятия Киева, и сбор предназначен в пользу Добрармии. Охраны на станции почти никакой не было. Шваль с перрона смотрела в окна первого класса. В том числе были и мы, а изысканное общество наслаждалось танцами приблизительно часов до двенадцати. Как с неба свалился вооруженный отряд, приблизительно человек в полтораста, никто не заметил, откуда они подошли, оцепили вокзал с перрона, публику согнали в одну кучу, поставили на перроне пулемет, навели на публику, приказали с места не двигаться, а другой пулемет уже через открытую ими же дверь строчил в зал первого класса, потом вошли в зал и слышны были ружейные и револьверные выстрелы. Оказалось, что это расстреливали офицеров. Управившись в зале, стали разыскивать офицеров на станции, но их там не было. В это время показался поезд с Александрии, идущий в Екатеринослав. Они моментально навели пулеметы с двух сторон на поезд и сами залегли. Поезд подошел и оказался со спекулянтами, его обыскали и нашли 6 офицеров и тут же их расстреляли, приговаривая: это вам по десять тысяч награды за помещичью землю. Окончив свое дело, сели на поезд (и мы сели, боясь после такого события оставаться), за причиненное беспокойство извинились, посоветовали никогда больше не ходить смотреть как паразиты гуляют, чтобы случайно и им не влетело, пообещав еще наведываться. Из толпы спрашивали: “Кто же вы?” Они ответили: “Махновцы”. Поезд дал ход, проехали полторы станции, остановились в степи, Где все партизаны вышли, и ночь прикрыла их...

Екатеринославский губернатор приказал вырубить Новомосковский лес ввиду того, что мимо этого леса нельзя проезжать офицерам, офицеров там уже не раз били...»[658].

На Херсонщине особенно было беспокойно. Красные заградительные отряды 3-й армии вели войну с остатками Григорьева, подвергая население репрессиям. Круговая порука села перед Советской властью показала себя наизнанку: село вторично восстало против нас. И нам (на участке от Николаева до Бобринской), ничего не оставалось, как бросить фронт и скорее улепетывать на Киев.

14 августа по приказу Федько в г. Николаеве были взорваны шесть бронепоездов: «Спартак», летучка № 8, «Грозный», «Память Урицкого», «Память Иванова», «Освободитель». Это уничтожение очень нехорошо отзывалось в войсках.

К 15 августа мы отступили на линию Н. Буг и вступили в полосу повсеместного крестьянского восстания. В тылу во много раз было опаснее, нежели на фронте. Обозы и лазареты совершенно отказывались отходить на десять верст от боевых частей. Недовольство бойцов росло, они кричали: «Отступить некуда, надо наступать». Однако Кочергин приказал отступить на линию Вознесенск-центр восставших, Федько — на линию Помошной и Княгницкой — на Одессу. Такой приказ углубил возмущение бойцов, и одна малейшая неосторожность командиров — восстание неизбежно. Они кричали: «Нас продали, нам изменили!», требовали удаления из штабов военных специалистов (бывших офицеров), которых было немало.

В войсках ходили всевозможные слухи о предательстве партийных и военных начальников, которые драпают с Украины, несмотря на имеющиеся сверху директивы организовать активное сопротивление противнику. И такие указания действительно были.

В директиве Главного командования от 18 августа требовалось:

«Оборона южной Украины, и в частности гг. Одессы и Николаева необходима, а потому войска трех находящихся там дивизий нельзя отводить на север. Войска эти должны принять все меры к тому, чтобы объединять вокруг себя население для борьбы с противником»[659].

В этот же день был передан приказ командования 12-й армии войскам Южной группы: «По радио. Одесса, командующему Южной группой; Бирзула начдиву 45; предсовнаркома Раковскому; начдиву 44; командующему правобережным боевым участком. Копия — Москва, Главкому.

Сегодня Реввоенсовет Республики приказал: 1. Войска Южной группы (45-й, 47-й и 58-й дивизий) на север не отводить, так как оборона южной Украины, и в частности Одессы, необходима. 2. На одну наиболее прочную дивизию группы возложить обеспечение прочной связи Киева с южной Украиной, для чего ей упорно оборонять район Умань-Ольвиополь-Ново-Украинка, Новомиргород-Звенигородка путем активных действий против противника, наступающего со стороны Вапнярки на восток и со стороны Знаменки на запад. 3. На группу возлагается сохранение южной Украины даже в том случае, если деникинцы и петлюровцы соединятся в районе Умань-Елисаветград. 4. Войска должны

принять все меры, чтобы объединить вокруг себя население для борьбы с противником.

В развитие этой директивы приказываю направить возможно больше сил против Деникина, дабы отвлечь его силы с Южного фронта, где ему готовится мощный удар. Части приднепровского участка удерживают линию Бобринская-Черкассы. Поезд с патронами 17 августа выступил со ст. Бобринская на Вознесенск. Якир утверждает командующим группы»[660].

Но перепуганное командование Южной группы в г. Бирзуле провело заседание, где проигнорировало полученные боевые приказы командования «на север войска не отводить», и 20 августа издало самовольный приказ войскам Южной группы:

«...Нам, красноармейцам на юге Украины, приходится временно, под натиском врага отступить, идти на соединение с нашими братьями под Киевом, красными братьями России, быстро продвигающимися к Харькову-Южной группе предстоит совершить боевой переход, походным порядком, по местности, занятой отдельными бандами, и, продвигаясь на север, соединиться с нашими северными товарищами, спешащими нам на помощь из Киева...

Вперед, бойцы, нам не страшны жертвы, не страшен враг, наше дело — дело рабоче-крестьянской Украины — должно победить.

Вперед, герой! К победе, орлы!»[661].

И рванули орлы с поля боя, без соприкосновения с противником, позабыв зачем в руки взяли оружие.

В противоположность орлам и героям Южной группы в это же время действовал командир Особого донского конного корпуса Южного фронта Ф. К. Миронов[662], который отказался подчиняться красному командованию вопреки приказу повел корпус на фронт, на Деникина. Причину своих действий он объясняет в своем приказе-воззвании по донскому корпусу, где объявляет, что он берет на себя дело спасения страны от белых, с которыми данная власть не справляется. Он говорит о бесчисленных «беззаконных реквизициях и конфискациях». «Чтобы спасти революционные завоевания, остается единственный путь: свалить партию коммунистов... Причину гибели нужно видеть в сплошных злостных деяниях господствующей партии, партии коммунистов, восстанавливающих против себя общее негодование и недовольство трудящихся масс... Вся земля — крестьянам, все фабрики и заводы — рабочим, вся власть — трудовому народу, в лице подлинных советов рабочих, крестьянских и казачьих депутатов.

Долой единоличное самодержавие и бюрократизм комиссаров и коммунистов!»[663].

Итак, в районе действия 9-й армии проявляли почти то же недовольство и почти те же требования, что и повстанцы Украины.

В то же время пышным цветом распускался по фронту бандитизм и антисемитизм. С этим злом надо было умело бороться, или окончательно отпустить вожжи и стать настоящими бандитами. Но командиры полков недостаточно проявляли здесь усердие, тогда Кочергин

распорядился арестовать махновских командиров: Калашникова и Клейна[664], а также командира 1-го Кубанского советского кавполка — опору штаба боеучастка. О приказе в полках быстро узнали, и это послужило поводом к восстанию в Новом Буге против Кочергина. В то самое время от Махно приехали агенты с воззванием против коммунистов.

Кубанский и 7-й Заднепровский полки, предводительствуемые своими командирами, ночью 19 августа окружили штаб Кочергина, военспецы которого одели офицерские погоны, видимо решив, что на них напали деникинцы. Жена Кочергина, узнав что это свои, начала стрелять в окно, ранив одного красноармейца. Штаб был взят приступом, красноармейцы настаивали на расстреле всех как изменников. Однако Калашников заступился и фактически стал их спасителем. Кроме ареста Кочергина, его жены и политкома боеучастка Дыбеца, восставшие арестовали всех коммунистов и спецов — старых царских офицеров, но обошлось без единой жертвы.

Из Нового Буга восстание перекинулось и на другие участки фронта, особенно на участок Федька. Город Николаев тогда эвакуировался на ст. Колосовку. Воинские части г. Николаева в основном были настроены промахновски и по просьбе Калашникова охотно выслали в Новый Буг два состава снарядов и мин, которые все равно надо было оставить белым или уничтожить..

На рассвете 20 августа из Березнеговатого, где стоял наш артдивизион, я выехал в Новый Буг, где меня ожидали повстанцы. По приезду, на заседании командного состава, мне поручили организовать новый штаб боеучастка. По моему предложению Калашников был избран начальником боевого участка; меня избрали начальником штаба и секретарем группы «Набат», пребывавшей до сих пор в подполье. Тем временем, со всех сторон к Новому Бугу подходили новые восставшие полки и группы, которых надо было упросить, чтобы заняли позиции против деникинцев. Они были весьма недовольны всеми красными командирами, настаивая расстрелять Кочергина. Чтобы оградить арестованных от самосуда, им в качестве охраны была выделена целая рота Мелитопольского полка. Таким образом, волнение улеглось.

Противник успел занять позиции впереди нас и переходил в наступление. Но мы его отбрасывали. 23 августа 1919 г. Деникин занял г. Одессу, и мы поняли, что топтаться на одном месте было бы губительно.

От Махно прибыла новая делегация и перед нами стала дилемма: либо прорываться в свои районы, либо отступить до встречи со штабом Махно. И мы избрали последнее.

В ночь на 24-е августа в боевом порядке мы выступили из района Н. Буга на Бобринец. Я двигался в авангарде и, следовательно, должен был занимать селения первым. На всем пространстве, коим мы проходили до Ново-Украинки, влево, в нашем тылу, и впереди вспыхивало зарево пожаров. Не проходило ночи, чтобы в нескольких местах горизонт не был освещен какими-то кострами. Кто зажег их? Неужели жители? Наши? Тоже нет... Разведка доносила, что у горящих костров никого не обнаружено. Селения, которые приходилось занимать, были совершенно без мужчин, и во многих местах горели хаты, а женщины в испуге металась по садам.

После григорьевского восстания красные карательные отряды проходили Херсонщину с огнем и мечом. Это послужило поводом к дальнейшему развитию восстания. Часто восставшие были руководимы старыми офицерами, которые, будучи бессильными открыто вступить с нами в бой, старались всеми способами нас провоцировать. Они, чтобы вооружить против нас крестьян, тайно сжигали хаты и скирды соломы, а затем, как только мы подходили, кричали: «Идут большевики... сжигают... забирают... убивают!...»

Таким образом в глазах населения мы представлялись какой-то карательной экспедицией, от которой мужчины с вилами в руках убегали в поля, где хватали зазевавшихся махновцев и убивали их, принимая за красноармейцев. И каково было их разочарование, когда узнавали, кто мы. А когда на митингах разоблачали провокаторов-офицеров, они расправлялись с ними сами.

27 августа мы двинулись на Ровное. За нами тянулась громадная колонна войск. Вся пехота (до 55 000) сидела на подводах, ютилась в обозах, охраняя его от местных крестьян. Тысячи подвод беженцев, в основном семьи повстанцев, с детьми, с домашним скарбом, со скотом двигались в общем обозе. Около 8 000 кавалеристов с песнями охраняли их по бокам; батареи громыхали в авангарде и арьергарде. Обоз бесконечной лентой по трем дорогам уходил за горизонт.

Дорогой делегат штаба Махно Троян[665], рассказывал о мытарствах группы повстанцев, ушедших с батькой.

— После митинга в Большом Токмаке Махно почувствовал свое одиночество. Из-под ног уходила политическая и военная почва. Оставаться на фронте до поры, когда будет схвачен трибуналом, он не рисковал, да и мы опасались. Поэтому мы решили пойти по такой дороге, которая принесла бы максимум выгод. Главное, мы желали собрать новую армию, с которой бы красное командование считалось, и с которой можно было бы выступить против белых. Для ее организации Херсонщина была подходящей базой. Григорьев все еще разбойничал, а села неустанно ему помогали. Как вы знаете, мы взяли ставку на Григорьева, при помощи которого можно было иметь успех.

19 июня 1919 г. с отрядом в 600 человек мы отправились из Б. Токмака на г. Александровск, вербуя по пути одиночек. 20 июня мы переходили Кичкасский мост и уже имели хорошо вооруженный отряд в 500 штыков и 300 сабель, а в с. Томаковке налетели на красный продотряд, состоящий из латышей и изрубили командиров.

Продвигаясь в западном направлении, мы обезоруживали красные отряды, выступающие против григорьевцев, разрушали желдорогу, отдавали на расхищение населению продсклады и поезда.

По сведениям от крестьян, мы знали, что Григорьев находится где-то в районе г. Бобринца и, не сворачивая в сторону, из Верблюжки направились туда. Мы долго блуждали и, наконец, двадцать четвертого июня достигли села Компанеевки.

Махно ехал верхом на лошади впереди отряда, растянувшегося на целую версту. Мы ясно видели, как по улице гнали коров; на окраине села лежало скучное кладбище, откуда

аромат цветов и запах полыни так и бил в нос.

«Ну, ребята, отдохнем», — проговорил Махно, как вдруг, из-за крестов раздались выстрелы и поднялась цепь. Мы повернули в сторону, в балку, а пехота стала занимать боевые позиции. Невдалеке увидели на дороге бричку, куда не замедлили послать разведку. Вскоре она вернулась с крестьянином, который сообщил, что в селе григорьевцы.

Григорьевцы ротой занимали село, а сам атаман почивал на лаврах у крестьян ближайшего хутора. Махно написал записку и отправил в село с задержанным крестьянином. Через пару часов, когда григорьевцы убедились, что, на самом деле, мы — махновцы, командир роты Бондарь, приехал к нам. На утро прибыл сам атаман Григорьев. С собой он был коренастый, ниже среднего роста, с упрямым круглым черепом. Одет в тужурку военного покроя и гражданские брюки, в сапоги, на выпуск. Излишне разговорчив и хвастлив, хотя чувствовалось, что сам себе на уме и властен.

Его отряд не превышал 500 пехотинцев и 20 конных, разбросанных в трех местах.

25 июня мы слушали Григорьева, который самодовольно рассказывал о достигнутых успехах против коммунистов, — продолжал Троян.

«Господа, — говорил Григорьев, — я как занял Одессу, откуда и ревком жидовский появился. Пришли в мой штаб, меня не застали, но стали требовать, чтобы подчинились ему, чтобы хлопцы перестали жидов колошматить. А, сами знаете, люди в походе изорвались, изголодались, обносились, а в городе жидов-спекулянтов много, так я и сказал, чтобы их подчистить маленечко: за что воюем? Я взял город, стало быть, мой он, а тут и ревком из подполья вылез и стал мне на пути, говорит о подчинении. Когда наступал, так со мною ни одного ревкомовца не было, а теперь, ишь, задумали хозяйничать, некрещенные! Я его и того, к ногтю, как мои хлопцы кажут. Арестовал: все жида, а один дурак русский. Посмотрел на них — парикмахеры, сапожники, портные — грязные такие, ну и того, к ногтю их своею рукою. Подошел к русскому и думаю, своя кровь, православная и, глядь, а у него, проклятого, и креста на шее нет, — я и его шлепнул. Председатель ревкома, коммунист Богун и комиссар порта Малицкий, скрылись, а то бы и им то было!». Григорьев широко улыбнулся и громко захохотал.

— А у вас тут жидов нет? — спросил Григорьев. Ему кто-то ответил, что есть. Григорьев расправил плечи, выпрямился и выпалил: «Так будем бить!»

Мы переглядывались и шептались: «Вот так атаман, недаром говорили!» Перед нами душа еврейского громилы была нараспашку. Нам не нравился его поступок и, чтобы рассеять неприятное впечатление, Махно спросил:

— Это ваш универсал? — Григорьев ответил утвердительно. Махно покачал головой и сказал:

— Я немного с ним не согласен.

После продолжительной беседы Махно велел созвать командиров и членов штаба на совещание. Пришли Каретников Семен, Кожин Фома, Шпота Фома, Чалый, Махно Григорий, Чубенко Алексей, Марченко Алексей, Тарановский, Василевский, Лащенко Александр и другие. Были приглашены также и григорьевские командиры. Когда все были в сборе, Махно объявил заседание открытым.

— Повестка дня, — объявил Махно, — соглашение махновцев с григорьевцами.

Махно спросил Григорьева: «Против кого мы будем воевать?» И предложил бить Петлюру.

— Коммунистов будем бить, — ответил Григорьев.

— Деникина будем бить, — сказал Махно. Но Григорьев не согласился, мотивируя тем, что: коммунистов и петлюровцев мы уже видели, кто они такие, а деникинцев еще не видели — коль они бьют жидов-комиссаров, это очень хорошо, а что они за Учредительное Собрание — это еще лучше, потому что только оно имеет право на Украину. Деникин и Петлюра малосильные и, если нам с ними драться, то жида нас победят. А, если мы будем в союзе, хотя с Деникиным, тогда мы победим.

Его политическая физиономия, таким образом, выявилась, и мы начали агитировать его на свою сторону, вооружая и против красных, и против белых, и против Петлюры. Это стоило больших трудов, и лишь на третьи сутки он согласился стать под наше черное знамя.

Таким образом, союз был заключен, — продолжал Троян.

Военно-Революционный Совет Гуляйпольского района, некоторые члены которого были с нами, реорганизовался и стал войсковой организацией, переименовавшись в «Реввоенсовет Повстанческой Армии», Махно был избран председателем, его товарищем — Лащенко[666], секретарем — Шпота, а Каретников, Серегин, Марченко и другие — членами. Заседанием совета Григорьев был назначен Командующим армией и во всех отношениях должен был подчиняться Реввоенсовету. Начальником штаба был назначен брат Махно — Григорий, начальником оперативной части — Пузанов[667], начальником административной части Чучко и т. д. Почти половина работников штаба были григорьевцы.

Соглашение ознаменовалось митингом объединенных войск, на котором выступили: Махно, Григорьев, Шпота и др.

Спустя несколько дней, на одном из заседаний Совета и комсостава, мы поставили перед Григорьевым вопрос о еврейском населении, которое продолжали терроризировать григорьевцы. Мы категорическим образом настаивали на совершенном запрещении поджогов и убийств еврейских семейств. Но, Григорьев долго не соглашался и, благодаря тому, что нас было большинство, а большинством голосов принималась резолюция, то он подчинился.

Григорьев был политически связан с Директорией Украинской Народной Республики в лице Петлюры, от которого 27 июня прибыл комиссар. Зная, что Петлюре помогают средствами и оружием западные государства, с целью получения хотя частицы этой помощи, мы послали

к нему своего представителя. Выполнение этой благородной миссии пало на Шпоту, который не замедлил с комиссаром отправиться в петлюровский штаб. Штабными старшинами Шпота был радушно встречен и, хотя они не забыли нашего налета на Екатеринослав, о чем часто напоминали, все же обещали нас поддержать. Но, обещание так и осталось неисполненным, и мы продолжали сотрудничать с григорьевцами без помощи Петлюры.

Нас затягивало в прочные сети, сплетенные белыми офицерами. Тогда, как мы стремились использовать григорьевщину, как антибольшевистское и антиденикинское движение, еще не потерявшее влияние на селе, офицеры успешно обрабатывали крестьян, пленяя их материальными «идеалами», обещая, что Деникин несет частную собственность, мануфактуру, соль, и это им очень нравилось.

С этого времени мы почувствовали что почва под ногами ускользает. К тому же была раскрыта связь Григорьева со ставкой Деникина, это ускорило развязку.

Чтобы узнать судьбу жены Галины[668], которая из Гуляйполя уехала к себе на родину в с. Песчаный Брод, Махно начал готовиться в путь под предлогом разведки.

30 июня на площади строились 150 кавалеристов, Махно давал распоряжения Серегину и Тарановскому[669] которые с остальными нашими ребятами должны были остаться с Григорьевым, как вдруг к нему ввалилась группа наших из заставы: они сопровождали двух человек, с виду интеллигентных, но в крестьянской одежде. Представ перед Махно, которого приняли за Григорьева, они просили его остаться с ними наедине. Махно в таких случаях, как вы знаете, бывал осторожным и приказал произвести обыск. Оружие не было найдено. Тогда он выслал нас из комнаты. Мы подслушивали, а я смотрел в дверную щелку, — продолжал Троян.

— Господин атаман Григорьев, — начал повыше ростом неизвестный, — мы офицеры ставки Добрармии, посланные к вам для связи. С нами письмо. Неделю назад вам посланы деньги, в сумме полтора миллиона рублей, и вы изволите их получить в Елисаветградском Кооперативе.

Махно нервно кусал губы, и, наконец, выхватив револьвер, стал расстреливать офицеров. Мы ворвались в комнату, обыскали одежду убитых и разыскали письмо.

Через полчаса мы созвали наших командиров и членов Реввоенсовета без григорьевцев и читали письмо генерала Романовского, начштаба Добровольческой армии.

Из письма было видно, что Григорьев со ставкой Деникина был связан давно, получал оттуда военные распоряжения, и у него хорошо налажена связь. Письмо гласило, что Григорьеву надлежит с повторным восстанием против войск Троцкого поспешить, что он должен соединиться с частями генерала Шкуро и действовать по внутренним операционным линиям, по железнодорожным магистралям, закрывая красным пути отступления из Одессы и Николаева.

На заседании вначале решили — немедленно разоблачить в предательстве атамана и судить, но Махно колебался. Он доказывал, что не настало время, что следует повременить, когда состав армии возрастет, и что вообще, лучше надо присмотреться, ибо эту штуку могли проделать и большевистские агенты, чтобы спровоцировать его в наших глазах. После долгих споров, Махно категорически заявил, что должен ехать в Песчаный Брод на заседание с повстанцами, а Реввоенсовет с остальными махновцами остается с Григорьевым, скрывая расстрел офицеров и получение письма, детально изучая всякий его поступок, и в случае чего расстрелять его на месте. Так и порешили.

На вторые сутки мы с Махно уже были в с. Песчаный Брод, а остальные наши с Григорьевым вышли на Компанеевку.

25-го июля мы возвращались обратно. Подъезжая к селу Осетняжка, мы изумились изобилию пуха, летавшего по улицам. Григорьев с армией и Реввоенсоветом был здесь. Нам на глаза попался Серегин, который с возмущением рассказывал о Григорьеве. Оказывается, Григорьев начал замечать недружелюбное к себе отношение наших ребят, и сам начал их притеснять. Он успел расстрелять двух наших за то, что они, не спросивши его разрешения, заехали к священнику в огород и нарыли ведро картофеля. Своим же «хлопцам» он разрешил большее: они заходили в еврейские квартиры и, кроме насилия над женщинами и грабежа, расстреливали мужчин, обыкновенно тех, которых подозревали в большевизме. Когда шкуровцы были неподалеку, и наши настаивали на выступлении против них, Григорьев только улыбнулся и выругался. Все, что он отбивал у красноармейцев, распределял между своими, а нашим хлопцам даже патронов и тех не давал.

С вечера в субботу, 26 июля, в с. Сентово заседал Реввоенсовет (без григорьевцев), который решил убрать атамана.

То было 27-го июля, когда в с. Сентово, неизвестно, григорьевцы или махновцы ограбили кооператив. Крестьяне сошлись на сход и потребовали Григорьева. Он не замедлил явиться и сказал им, что в этом виноваты махновцы, а не григорьевцы. Шпота утверждал противное, и крестьяне пригласили батьку.

Вскоре Махно в сопровождении Чубенка, С. Каретника, Лепетченко, Колесника[670] и меня, прибыл на сход. Мы уже знали, что Григорьев сваливает вину на наших ребят и дорогой условились немедленно разоблачить его перед крестьянами.

Эта миссия выпала на Чубенко, который предстал перед крестьянами: сход во дворе сельсовета.

Чубенко сказал, что атаман Григорьев слишком многое позволяет, что не махновцы виноваты в ограблении кооператива, а григорьевцы, что Григорьев, вообще, подлец и деникинский наймит.

Сидящий рядом с Махно Григорьев вспылil и обратился к нему со словами: «Батько, Чубенко за свои слова отвечает сам, или за него отвечает Реввоенсовет?»

Как вы знаете, в таких случаях Махно лавирует. Пожимая плечами, он сказал: «Пусть заканчивает, а потом у него спросим».

Григорьев подбежал к Чубенко, хватаясь за маузер. Но когда заметил, что его охраняли Лепетченко и я, сунул маузер за голенище сапога. Чубенко прервал речь и попросил Григорьева войти в здание для объяснения.

Крестьяне начали делиться на группки, когда Григорьев, в сопровождении своего телохранителя, вместе с Чубенко, Каретниковым, Лепетченко и мною, входили в канцелярию сельсовета. За ними следовал Махно, Чалый[671] и Колесник. Григорьев с телохранителем стал с одной стороны стола, ругаясь и стуча, а Чубенко с Лютым — с другой.

Григорьев раздраженно сказал Чубенко: «Ну, сударь, дайте объяснение, на основании чего вы говорили это крестьянам». Чубенко ответил, что он, Григорьев, поощряет буржуазию: когда брал сено и фураж у кулаков, то платил за это деньги, а когда брал у бедняков, то попросту грабил, а жалобщиков выгонял и угрожал им, что оставил у одного помещика пулемет и два ящика патронов, винтовки, 60 штук брюк, в то время, когда повстанцы раздеты и плохо вооружены. Напомнил Григорьеву, как он расстрелял двоих махновцев за то, что они нарыли ведро картофеля, как собственноручно избил нескольких махновцев, допускал еврейские погромы, что, как союзник Деникина, не захотел наступать на прорвавшегося к Плетенному Ташлыку генерала Шкуро. Григорьев стал все это отрицать. Тогда Чубенко заявил: «Так вы еще отрицаете, что вы не союзник Деникина? А кто же посылал делегацию к Деникину и к кому приезжали те два офицера, которых Махно расстрелял?»

Григорьев, наклонив над столом голову, схватился за маузер, но не успел его выхватить, как Чубенко с «библея»выстрелил в него в упор. Григорьев зарычал и бросился к выходу. Стоявший в стороне Махно крикнул вдогонку: «Бей атамана!»

Чубенко, Каретников, Лепетченко, я и Чалый выбежали следом на улицу, стреляя в бегущего впереди Григорьева. Он споткнулся и упал, выхватывая свои маузеры. Подбежавший махновец Качан[672] выстрелил в него в упор.

Испуганная толпа бросилась врассыпную.

В канцелярии творилось невероятное. Телохранитель Григорьева — дюжий грузин, пытался застрелить Махно, но Колесник, стоявший рядом с ним, схватил руками направленный на Махно маузер, началась борьба. Телохранитель успел подмять Колесника и обхватить пальцами его шею, Махно же бегал по канцелярии и в отдалении расстреливал телохранителя, призывая нас на помощь. На счастье подоспел Каретников и одним выстрелом свалил телохранителя.

Окровавленный Колесник тяжело вздохнул, когда тяжесть свалилась и сквозь зубы процедил на Махно: «Дурак, ...твою мать».

— Ишь, подлец, если бы не я, он бы тебя удушил, — оправдывался Махно.

Стреляя в телохранителя, Махно попадал и в Колесника, отчего у несчастного кровь лилась из нескольких ран.

— Пстой, — перебил Долженко, — а кто же убил Григорьева?

— Трудно определить, чья пуля его свалила там, на улице, — продолжал Троян.

— Тут же мы обезоружили всех григорьевцев. Провели общий митинг, на котором раскрыли истинное лицо Григорьева и необходимость консолидации всех революционных сил против общего врага — Деникина.

Григорьевцам было предложено на выбор: получить оружие и остаться у нас или разойтись по домам. Часть из них ушла домой, но большая осталась.

О происшедшем Махно поспешил передать по телеграфу из ст. Виски. Эта телеграмма была перехвачена станцией Бобринской, и 28 июля 1919 г. за № 3392 была передана в Киев.

«Считаю убийство атамана Григорьева 27 июля 1919 г. в селе Сентово Александрийского уезда Херсонской губ. идейными представителями повстанцами батьки Махно необходимым и нужным фактом истории ибо политика, действия и намерения его были контрреволюционные. Что доказывают еврейские погромы и вооружение кулаков. Считаю создание армии его — батьки Махно необходимым для того, чтобы забрать у него (Григорьева — А. Б.) всех честных партизанов, борющихся за революционную идею, но по темноте своей идущие слепо за ним. Имеем надежду что после этого не будет кому санкционировать еврейские погромы, а честно повставать трудовому народу против контрреволюционеров как Деникина и других, так и против большевиков-коммунистов насильно вводящих диктатуру посредством наймитов мадяров, китайцев и латышей. Исторические последствия за этот расстрел Махно считает своим революционным долгом взять на себя. Долой еврейские погромы! Да здравствует народное повстанчество Украины! Да здравствует Украинская независимая Социалистическая Советская Республика! Да здравствует социализм!

Подлинный подписали: председатель Батько Махно.

Секретарь Шевченко, с подлинным верно — нач. штаба Шиняйлов»[673].

— Из пассивно-сопротивляющегося, — продолжал Троян, — мы теперь переходили в активно-наступающего. Против Красной Армии мы решили повести со всех сторон атаку, стремясь поднять всекрестьянское восстание. Продвинувшись в западном от с. Сентово направлении, мы вновь заняли село Песчаный Брод — откуда начали развивать идею восстания. Но вскоре, подошедшими красными частями мы были подняты и перенесли свою резиденцию дальше от желдороги, в пос. Добровеличковку.

Чтобы прекратить убийство и разгильдяйство отдельных личностей — оставшегося наследия Григорьева — Махно издал вот этот приказ, о необходимости строгой дисциплины в войсках, — говорил Троян, закуривая самокрутку.

Я развернул лист оберточной бумаги. На нем было напечатано:

«ПРИКАЗ № 1.

Всем командирам по пехоте: бригадам, полкам, батальонам, ротам, взводам и отделениям. По кавалерии: полкам, эскадронам и взводам. По артиллерии: дивизионам, батареям и полубатареям. Всем без исключения революционным повстанцам.

1. Задачей нашей революционной армии и каждого повстанца, в нее вступившего, является честная борьба за полное освобождение трудящихся Украины от всякого порабощения. Поэтому каждый повстанец обязан помнить и следить за тем, что среди нас не может быть места лицам стремящимся за спиной революционного повстанчества к личной наживе, к разбою или ограблению мирного еврейского населения.

2. Каждый революционер-повстанец должен помнить, что, как его личные, так и всенародные враги, являются лица богатого буржуазного класса, независимо от того, русские они, евреи, украинцы и т. д. Врагами трудового народа являются также те, кто охраняет буржуазное несправедливое порабощение, то есть советские комиссары, члены карательных отрядов, чрезвычайные комиссии, разъезжающие по городам и селам и истязаяющие трудовой народ, не желающий подчиниться их произвольной диктатуре. Представителей таких карательных отрядов, чрезвычайных комиссий и других органов народного порабощения и угнетения, каждый повстанец обязан задерживать и препровождать в штаб армии, а при сопротивлении расстреливать на месте. За насилие же над мирными тружениками, к какой бы национальности они не принадлежали, виновных постигнет позорная смерть, недостойная революционера-повстанца.

3. Всякие самочинные реквизиции и конфискации, а также замена у крестьян лошадей и бричек, без бумаги от начальника снабжения, воспрещается под страхом суровой ответственности. Каждому повстанцу надлежит помнить, что самовольная реквизиция привлекает в ряды Повстанческой Армии самых отъявленных хулиганов, стремящихся лишь к наживе, дают им возможность, под именем революционера-повстанца, творить подлые дела, позорящие наше революционное освободительное движение.

Призываю всех повстанцев-партизан самим следить за порядком и честью истинно революционной Повстанческой Армии, борясь со всякими несправедливостями, как в своей среде, так и в среде защищаемого нами трудового народа. Не может быть несправедливости в нашей среде. Не может быть обид среди нас ни одному сыну или дочери трудового народа, за который боремся. И всякий, кто это допустит, покроет себя позором и навлечет на себя кару народной революционной армии.

4. В интересах революции и правильной борьбы за наши идеалы, необходима во всех частях самая серьезная товарищеская дисциплина. Необходимо полное уважение и послушание в военном деле вами избранных себе командиров. Этого требует вся серьезность выпавшего на вас великого дела, которое мы с честью доведем до конца, и которое при отсутствии между нами дисциплины, мы погубим. А потому вменяю в обязанность всем командирам частей вести совместно с повстанцами строжайшую в своей среде и в своем деле

дисциплину.

5. Пьянство считается преступлением. Еще большим преступлением считается показываться повстанцу революционной армии в нетрезвом виде на улице.

6. При переездах из одного села в другое каждый повстанец должен быть в полной боевой готовности. Отношение к мирному населению в селах и пути должно быть, прежде всего, вежливое, товарищеское. Помните, товарищи командиры и повстанцы, что мы дети великого трудового народа, каждый труженик и труженица являются нашим братом и сестрой. Дело за которое мы боремся — великое дело, требующее от нас неутомимости, великодушия, братской любви и революционной чести. Поэтому призываю всех повстанцев-революционеров: будь истинным другом народа и верным сыном революции. В этом наша сила и залог победы.

Командующий революционной Повстанческой Армии Украины

Батько Махно. Местечко Добровеличковка, 5 августа 1919 г.»[674].

— У вас, видимо, целая армия теперь? — обратился Долженко к Трояну.

— Да как тебе сказать, когда она не в состоянии вести борьбу с одним полнокровным красным полком, — ответил он.

— Никак это Махно писал? — спросил я.

— Махно, корректировал Волин.

— Какой Волин? — удивился я.

— Да тот самый Волин, секретарь конфедерации «Набат», он недавно к нам приехал.

Волин — вдохновитель российского синдикализма, действительно, корректировал приказ, не подозревая о его последствиях, которые отозвались заревом пожаров, кровью коммунистов и красноармейцев. Видимо он считал, что этот приказ что-то подобное воззванию, ибо не верится, чтобы Волин согласился проливать кровь. Но вскоре он увидел его практическую сторону.

— В селе Песчаный Брод был бой, — продолжал Троян. — Красный батальон нами был разбит, мы с пленными возвращались на церковную площадь и остановились у ограды. Вдруг подъезжает тачанка: на ней сидела Феня[675], подруга Галины (жены Махно (А. Б.)). Улыбаясь она встала с тачанки и подошла к пленным: их было шестнадцать человек со связанными руками и раздетыми.

— А, подлецы, расстреляли отца! Получай счет! — Взмахнув револьвером, промычала она. И один за другим пленные падали на землю.

— Не баба, а палач какой-то. Правда, этот отряд накануне расстрелял отца Галины, отчего она мстила. Волин после этого, видимо, опознал, что представляют на военном языке приказы и уже отказывался их корректировать.

— Э, брат, чего только не было за это время. Ну и красные наших не миловали, не оставались в долгу, — говорил Троян, — когда мы подъезжали к селу Ровное.

Вдруг, по нас залп, другой, третий. Донской кавполк бросился вперед и начал рубить в огородах крестьян, которые по нас стреляли.

Троян рассказал, что здесь стоял белогвардейский штаб, предводительствуемый капитаном Михайловым. Из местных крестьян он организовал отряд и за неделю до нашего подхода обезоружил одну отступающую красную роту, которая была расстреляна. Самого Михайлова поймать не удалось, а повстанцев (около 200 человек) обезоружили и отпустили. В этом селе особенно отличились женщины: они травили молоко и поили красноармейцев, которые через несколько часов умирали.

29-го августа с авангардом я подошел к станции Помошной, на которой стояли два бронепоезда и несколько эшелонов с красноармейцами и штатскими, эвакуировавшимися из Одессы, Николаева и Херсона. Они были застигнуты крестьянским восстанием и с боем успели пробиться только на Помошную. На Киев дорога была им отрезана, ибо Деникин уже занял Белую Церковь, а Петлюра — Казатин. Мы предложили им примыкнуть к нам. Однако они не приняли наших делегатов, высланных к ним, и открыли по нас стрельбу из орудий. Оставив главные силы с Калашниковым, я с Донским полком перешел железную дорогу южнее и ушел в с. Добровеличковку, где стоял Махно.

Калашников же торговался с бронепоездами и, наконец, решил взять их приступом. Они были взяты утром, 30 августа, когда г. Киев занял Петлюра.

Группа красных, взятая Калашниковым на ст. Помошной, была освобождена с оружием и бронепоездами. Они отошли к Златополю, но были разбиты местными повстанцами. Незначительный их остаток продвинулся в район Умаи, где соединился с другой группой, шедшей с румынского фронта во главе с Временным Бессарабским правительством и под Киевом пробились на север.

Итак, 30 августа мы соединились с Махно. В его распоряжении была «повстанческая армия», состоящая из 1 500 штыков, 500 сабель, 50 пулеметов и 4-х полевых орудий.

Тридцать первого августа на общем собрании комсостава в момент, когда город Киев от Петлюры переходил в руки Деникина, я настаивал освободить из-под ареста всех коммунистов вместе с Кочергиным и Дыбецом, который нам был не чужой — бывший анархист, его жена Роза была анархистка, вместе с Махно сидела в Одесской тюрьме. Надо было их выручать.

Я встретился с арестованным Дыбецом. Сообщил ему, что следствие закончено и доказано, что он словом и оружием выступал против повстанчества и Махно, разоружал полки повстанцев, расстреливал людей, говорил что махновцы пособники Деникину и открыли

Деникину фронт, агитировал против повстанчества и Махно.

Дыбец не отрицал и сидел молча с видом обреченного. Когда я от него уходил он сказал, что понимает свое положение, что красные за такие дела давно расстреляли бы. Я ему сказал, что анархисты пытаются их освободить и что есть какой-то шанс. Но Махно и особенно Щусь требовали показательного суда над ними, как над предателями, и их смерти... по случаю того, что красный командир Одесской группы Гуляницкий при отступлении из Ольвиопольского района, в лазаретах расстреливал больных и раненых махновцев, стягивая даже с операционного стола. Но большинство было на моей стороне. Все арестованные были освобождены, снабжены деньгами, документами и вскоре, от нас невредимыми уехали на север.

В Добровеличковском районе наша армия заняла несколько сел по фронту 40 верст и на 30 верст глубиной. Правда, полки были в достаточной степени выдержанные и обстрелянные, так что на них можно было положиться; однако требовалась некоторая реорганизация. За счет уменьшения праздных людей, сидящих в обозах, необходимо было увеличить конницу и организовать армию так, чтобы она могла быть пригодной к партизанщине, то есть легкой на подъем и быстрой в маневрах.

Кроме того, требовал разрешения вопрос дальнейшего политического существования махновщины, как самостоятельного организма. А чтобы это сделать, следовало созвать полноправное собрание, которое и состоялось первого сентября в той же Добровеличковке. Полки аккуратно прислали делегатов, и собрание открылось. Единогласно был избран президиум, в составе: председателя — Махно и секретарей — Волина и Шпоты.

После приветствий, собрание приступило к обсуждению деловых вопросов. Затем был избран Реввоенсовет армии в составе тридцати человек: председателем — Лащенко, секретарями — Шпота и Хохотва[676], членами: Махно, Волин, Вдовиченко, Буданов[677], Калашников, Дерменжи, Чубенко, Павловский, я и другие. Здесь же были избраны заведующие отделами Реввоенсовета: военно-контрольным во главе с Хохотовой и культурно-просветительным — Волиным. Кроме того, был избран и штаб Повстанческой Армии во главе с командармом — Н. Махно и начштарма — меня. (В. Белаш — Ред.).

Собрание передало нам военную власть и возложило ответственность за действия армии. Особая ответственность за организацию и управление армии возлагалась на меня, считая Махно, администратором.

Итак, роли распределены: Реввоенсовет пополнен, шторм избран, вооруженные люди названы «Революционной Повстанческой Армией Украины (махновцев)».

На собрании, по моему настоянию, была избрана организационная комиссия, которая поступала в мое распоряжение. Организационная структура Повстанческой Армии мною была разработана и утверждена Реввоенсоветом. Она заключалась, примерно, в следующем: Повстанческая Армия складывается из четырех корпусов: трех действующих и одного резервного. Корпус — из полков, полки — из батальонов и дивизионов; батальоны и дивизионы — из рот и сотен; роты и сотни — из взводов; взводы — из полувзводов. По мере

численного роста бойцов, полки возрастают в бригады, батальоны в полки, роты в батальоны и так далее... Соответственно с тем, был выработан штат полков, маневровых отрядов и штабов.

Во главе 1-го Донецкого корпуса был назначен Калашников, 2-го Азовского — Вдовиченко, 3-го Екатеринославского — Гавриленко[678] и 4-го Крымского — Павловский[679].

Красные части, которые были в Крыму, Николаеве, Херсоне, Одессе, а также до этого стоявшие по Днестру против румын и именовавшиеся сейчас как «Южная группа», были отрезаны с севера. Это была настоящая армия, и действующая она в тылу Деникина, как этого требовали приказы командования, могла бы активно способствовать успеху контрнаступления Южного фронта, начатого в средних числах августа 1919 года.

А происходило там следующее.

Во второй половине августа войска группы Селивачева освободили Павловск, Бирюч (Красногвардейское), Валуйки, Белгород, пройдя 150 километров подошли к Купьянску и приблизились к Харькову.

Таким образом, группа Селивачева оказалась с обнаженными флангами, что ставило ее в невыгодное положение. Деникинцы воспользовались этим и 26 августа ударили по ее флангам в районах Белгорода и Бирюча в сходящихся направлениях на Новый Оскол. Противник старался окружить и уничтожить красные войска, чтобы взломать весь центральный участок Южного фронта, прикрывавший путь к Москве. Завязались ожесточенные бои. Истекая кровью в неравных боях красные войска вынуждены были отходить.

Для облегчения положения группы войск Селивачева главным командованием 25-го августа был отдан приказ о наступлении частей Южной группы 12-й армии.

В нем говорилось:

«По обстановке сейчас является крайне желательным частями Южной группы нанести удар на Винницу-Житомир и на Помошную-Знаменку-ст. Мироновку во фланг и тыл противнику.

При успешных действиях частей этой группы ее задача должна быть расширена до очищения всего района средней Украины от петлюровских и Деникинских банд и удержания его в своих руках до подхода подкреплений...»[680].

Но Южная группа 12-й армии состоящая из 45-й, 47-й и 58-й стрелковых дивизий под командованием 22-х летнего И. Якира и членов Реввоенсовета Я. Гамарника, Л. Картвелишвили (Лаврентий) и В. Затонского поспешно бежала не оказав сопротивления, вписывая «славные страницы», не выполнив директив В. И. Ленина от 9-го августа, директив Главного командования от 18 и 25 августа 1919 г. (приведены выше).

Обычно невыполнение боевого приказа (а их было несколько) влечет за собой неприятности, связанные с военным трибуналом, но боевые соратники Южной группы, уведшие войска с

поля боя, так распишут трудности пережитого и мудрость своего руководства, что преподнесут себя не как дезертиры, а как герои, и им будут пожалованы почести и награды.

Нам же против Деникина надо было организовать сопротивление, и мы бросили клич: «Все, кому дорога свобода и независимость, должны остаться на Украине и вести борьбу с деникинцами».

Наша армия росла не по дням, а по часам. В нее вливались масса добровольцев из городов и сел, которые мы оставляли, отступая на запад, всевозможные отряды, местные формирования и регулярные части.

Махно и махновщина в этот период пользовались у населения и в войсках особым авторитетом и любовью.

За горами, за долами
Ждет сынов своих давно
Батько храбрый, батько добрый,
Батько мудрый наш — Махно...

Пели роты красного полка, руководимого большевиком Полонским, только что присоединившиеся к нам и идущие на станцию Помошную для получения из рук Махно черного знамени Анархии.

Наш Реввоенсовет, штабы и посланные в красные войска агитаторы склонили остаться на Украине еще одну бригаду 58-й дивизии и всю кавалерию этой дивизии.

Член Реввоенсовета Южной группы В. П. Затонский описал события в 58-й дивизии так:

«...Главный ее состав — тавричане, поддавшись агитации Махно, не хотели покидать свои хаты и уходить на север; отнюдь не собираясь покориться белым генералам, они рассчитывали вести с ними партизанскую борьбу, предпочитая это отступление в далекие, неведомые им края. В Николаеве они чуть не подняли бунт, команды броневиков перешли к Махно; кавалерия, дошедшая с Федько до Помошной, повернула к Махно. В дивизии оставалось лишь 6 пехотных полков, и то совершенно ненадежных.

Я решил выехать к этим частям вместе с Федько. Выехали ночью, наутро были в Голте. Туда были вызваны все комполки и комбриги. Мы устроили так называемое совещание командного состава.

Спрашиваем о надежности полков.

Один за другим выступают командиры и на ломаном русско-украинском диалекте заявляют: “Мой полк буде драться с белыми и с кем угодно”. — “А с Махно?” — “Ни, с Махно не буде, сами думают, как бы к Махно уйти”. Наконец, пятый по счету комполка сразу заявляет по-украински: “Мий полк буде битися з Махном”. Интересуюсь, в чем дело, неужели это исключительно дисциплинированная часть. Следует откровенный ответ: “Та ни, мои хлопцы уси з Верблюжки, так воны на Махно злостяться”. Чтобы понять смысл этой великолепной

реплики, нужно знать, что Верблюжка — огромное село Александрийского уезда, родина и основная база Григорьева. Когда Григорьев выступил против нас, Махно его не поддержал, видя в нем, очевидно, конкурента, и больше того, постарался ликвидировать его, просто говоря, застрелил. Так вот этот полк, состоящий из верблюжцев и по настроению григорьевский, не мог забыть Махно его предательства.

Делать было нечего; оставалось использовать этот момент и выставить против махновцев симпатизировавший Григорьеву полк. Откровенно говоря, мы далеко не были убеждены в том, что Махно не удадутся его замыслы: не было уверенности, что нас свои же не перережут или не поведут к Махно. Наши красноармейцы все время переходили к нему в одиночку и группами. Кавалерия, недавно наша, а теперь уже махновская, маячила на горизонте, подбивая ребят идти на вольную жизнь к батьке...»[681].

В боевом отношении Повстанческая Армия складывалась из: 40 000 штыков, 10 000 сабель, 1 000 пулеметов и 20 орудий. Эту единицу обслуживали 13 000 человек, включая штабы, связь, гараж, снабжение и кучера. Собственный обоз складывался из 8 000 тачанок и бричек — под пехотой, 2 000 тачанок — под штабами, связью и лазаретами, 1 000 тачанок — под пулеметами, 1 000 подвод — под артснабжением и 500 бричек — под продснабжением[682].

Штарм состоял из двух отделов: оперативного и административного. Кроме того, при нем был утвержден инспекторат: инспектор кавалерии — Дорож[683]; артиллерии — Морозов[684], артснабжения — В. Данилов[685], продснабжения — Серегин, телеграфной и живой связи — Дерменжи и подрывных команд — Чубенко. В Реввоенсовете, как и в штарме, разделение трудовых функций было оговорено. Совет мог контролировать штарм в том случае, когда армия терпела поражение. Однако, штарм, предоставлял в распоряжение Совета архивные материалы: никогда, по положению, не посвящал его в оперативные планы, находящиеся в стадии исполнения. Не вмешиваясь в дела штарма, Махно организовал свою «охрану» и контрразведку, в которой состояло 500 конных, при десяти пулеметах. Он увлекался карательной политикой и больше уделял внимания охране, нежели армейским частям. Население, бойцы и командиры побаивались этих «охранников». Они врывались в штабы и от имени «батька» требовали удаления оставшихся там большевиков и т. д.

Революционная Повстанческая Армия Украины (махновцев) в боевой готовности встретила деникинцев и наголову разбила их в районе Ново-Украинки, Константиновки, Арбузинки, продержавшись там недели полторы, прикрывая тыл убегавшей на север Южной группы красных войск.

После первого поражения белое командование усилило район войсками и готовилось дать генеральное сражение. Так появилась белая конница, скатанная в один восьмьтысячный кулак, со стороны города Елисаветграда и основательно начала угрожать нашему левому флангу. Ранее взятый у белых бронепоезд «Непобедимый»[686] успел в бою израсходовать снаряды и после нескольких рукопашных схваток был взорван и оставлен.

В секретной разведсводке 45-й дивизии, адресованной начштабюжгруппы, начдивам 44-й и 58-й говорилось:

«Из опроса, перебежавших из махновского и деникинского плена двух членов Криворожского Исполкома, выяснилось: Махно численностью до 35 000 человек, в состав которых входило значительное количество бывших Советских войск, занявших Помошную и Ново-Украинку, повели наступление на Елисаветград и были в 15 верстах от него, но получившие подкрепление деникинцы сами перешли в наступление и начали теснить части Махно. Охваченные кольцом врагами и попавшие в безвыходное положение, махновцы дрались отчаянно, сами переходя в яростные контратаки и нанося деникинцам огромные потери (несколько раз брали в плен крупные партии по 400–500 человек). Два полка Деникина были уничтожены совершенно, был отбит бронепоезд «Непобедимый», но ввиду истощения запасов снарядов и патронов махновцы вынуждены отступить на Умань и Христиновку...»[687].

Было много боев. Но в конце концов мы решили оставить этот район и увести белых дальше от линии железной дороги.

Поставленные в каре корпуса, лицом к противнику на 40 верст и на такое же расстояние в глубину, безусловно давали нам возможность не опасаться ни фронтального, ни бокового, ни тылового удара. Армия парируя с белыми, по приказу отходила в западном направлении и 16 сентября, достигнув реки Синюхи, заняла главными силами село Ново-Архангельское. Здесь она несколько раз одерживала победу над белыми. Но получая подкрепление, они яростно набрасывались на нас, и успех был переменным. От восхода и до заката солнца гибли передовые колонны противоборствующих сторон, поля покрывались трупами, редели полки. Обычно бой кончался тем, что наша кавалерия на одном из флангов врзалась в ряды противника с криком «Ура!». Лязг сабель, трескотня пулеметов, залпы винтовок — все сливалось в смертельный шум боя... А в это время наши конные отряды громили тылы ведущих бой белых частей. Разбитые белые собирались в кучки и ожидали подкрепления, а когда оно подходило, снова приближались к нам. Но теперь нас боялись как огня и не отчаивались нападать, как это было раньше, ограничивались одной лишь фланкировкой.

Руководивший белыми войсками в этом направлении против нас генерал Слащев впоследствии писал:

«...весь Елисаветградский–Екатеринославский–Николаевский–Уманский район кишел его (Махно — А. Б.) бандами, то формировавшимися, то вновь распадавшимися, в случае неудачи...

Петлюра действовал вяло и нерешительно. Оставался один типичный бандит — Махно, не мирившийся ни с какой властью и воевавший со всеми по очереди. Единственно, в чем ему надо было отдать справедливость — это в умении быстро формировать и держать в руках свои части, вводя даже довольно суровую дисциплину. Поэтому столкновения с ним носили всегда серьезный характер, а его подвижность, энергия и умение вести операции давали ему целый ряд побед над встречавшимися армиями.

Это умение вести операции, не укладывавшееся с тем образованием, которое получил Махно, даже создало легенду о полковнике германского генштаба Клейсте, будто бы состоявшем при нем и руководившем операциями, а Махно, по этой версии, дополнял его

военные знания своей несокрушимой волей и знанием местного населения. Насколько все это верно, сказать трудно, но факт только то, что Махно умел вести операции, проявлял недюжинные организаторские способности и умел влиять на крупную часть местного населения, поддерживавшего его и пополнявшего его ряды. Следовательно, Махно являлся очень серьезным противником и заслуживал особенного внимания со стороны белых...»[688].

Не хотелось золотопогонникам признать, что бьют их вчерашние бесправные, малообразованные свои же славяне. Они согласны были терпеть поражение от «достойных» легендарных полковников германского генштаба, лишь бы не от своей «черни».

О своих войсках по состоянию на 20 сентября Слащев писал: ««...4-я дивизия непрерывными боями была совершенно измотана; 5-я дивизия предыдущим поражением ослаблена числом и деморализована... Налеты махновцев на тылы белых все учащались и навели панику...»[689].

Примерно в это же время Революционный Совет германских рабочих и солдат в Киеве направил своих агентов в наше расположение для знакомства и изучения повстанческого движения. В своем докладе от 22 сентября они писали:

«...Больше всего нас удивило то, что крестьянин (вели по дороге беседу), как и большинство беднейшего крестьянства, говорил о Махно с известной гордостью.

...Были собраны о Махно следующие сведения: “Махно называет себя анархистом-коммунистом”. Он стоит за Советскую власть, но против коммунистов и в особенности против ЧК. Он считает, что сначала нужно завоевать край, а затем предоставить народу право избирать свое правительство.

При взятии деревни, он якобы собирает собрание всего населения, кроме богачей, где избираются Советы. “На Совет возлагают обязанности следить за порядком и исполнением приказов Махно”. Он также снабжает население оружием. Полагают, что в его армии 40 тыс. человек. Официальный знак Махно: изображение звезды, подобно звезде Советской власти.

Дух армии можно назвать превосходным, так как она состоит исключительно из добровольцев. Махно воюет против деникинских, петлюровских и советских войск...»[690].

Тем временем, передовые части петлюровской армии, пользуясь отсутствием противника, успели занять линию: Фастов, Володарка, Пятигоры, Цыбулево, Умань, Ольвиополь, к югу удерживая железную дорогу от Одессы (которую они отбили 25 августа у Деникина) и до ст. Бирзула.

Мы, таким образом, снова очутились в окружении: фронтально — деникинцы, с тыла — петлюровцы. На очереди встал вопрос, прорыв в деникинский тыл немедленно, или заключить с Петлюрой военное соглашение, делегаты от которого уже сидели в штабе, сияя доспехами и формой семнадцатого столетия, некоторые с косичкой на макушке — хохлом. Они просили руку дружбы, обещая помогать боеприпасами и снаряжением.

Нас же устраивал любой союзник против Деникина.

Громадный обоз с беженцами и несколькими тысячами раненых, связывал нас по рукам и по ногам. Мы знали, какую ответственность взяли на себя за судьбы многих тысяч людей и ломали себе головы, как быть в столь трудный момент, как облегчить обоз и подготовить армию к прорыву.

20-го сентября 1919 г. был заключен вторичный, недолговременный союз, подписанный на станции Жмеринка, со стороны махновцев Волиным и Чубенком и, со стороны петлюровцев — Петлюрой и Тютюнником. В этом соглашении мы усматривали армейские и агитационные выгоды; с одной стороны — хотели свести на драку Петлюру с Деникиным, получить боеприпасы и медикаменты, в которых мы так нуждались, и использовать стационарные тыловые лазареты; с другой — хотели разложить низы, которые Петлюрой насильно были мобилизованы и, наконец, террористическим актом покончить с ним все счета, как с Григорьевым.

В договоре было сказано, что стороны обязуются вести борьбу с генералом Деникиным, что махновцы всецело снабжаются как боеприпасами, так и снаряжением, им предоставляется право организовать лазареты на петлюровской территории, больше того, занимать места в лазаретах, где их будут лечить, снабжать медикаментами и перевязочными средствами, обслуживать медицинским персоналом.

На основании соглашения свыше трех тысяч больных и раненых бойцов, часть беженцев мы передали петлюровцам. Они были размещены по госпиталям Винницы, Жмеринки, а часть была отправлена на лечение в Галицию.

Нам отводилась территория, глубиной в 60 и шириной в 40 верст. Махновцы только в оперативном отношении, по инстанции должны были согласовывать планы с генштабом петлюровцев.

Что касается нового политического пункта, гласящего о свободе проповеди своих идей за пределами ограниченного пространства на территории петлюровской и обратно, Петлюрой было отклонено. Он предвидел, что пропаганда махновцев в его армии обязательно повлечет за собой разложение казаков, и для устранения этого на фронте сам выехал на свидание с Махно.

«С Петлюрой надо покончить раз и навсегда, как и с Григорьевым», — говорил Долженко на заседании штаба армии, когда мы обсуждали этот вопрос. И все были согласны.

Для этого в город Умань были высланы террористы и выдвинута кавбригада, вслед за которой уехал и Махно. В городе, по случаю близости фронта (10 верст), петлюровский гарнизон стоял в ружье, а Петлюра в своем поезде ожидал свидания с Махно. Но, не успели наши въехать на городскую улицу, как Петлюра отбыл на ст. Христиновку. Неизвестно, узнал ли он о заговоре, почувствовал близость смерти, или боялся попасть белогвардейцам в плен — факт остался невыясненным.

В Москве же в это время происходило следующее, имеющее отношение к махновщине.

Как упоминалось выше, в средних числах июня один из трех отрядов анархистов-террористов, организованных Марусей Никифоровой под руководством Казимира Ковалевича, Петра Соболева, Якова Глазгона, со станции Федоровка выехал в Харьков. Но к их приезду Донецкая ЧК уже расстреляла обманом захваченных членов штаба Повстанческой дивизии — нач. штаба Озерова, его заместителя Михалева-Павленка, Полунина, Костина Бурдыгу, Добролюбова, командира полка Коробко, адъютанта Олейника и других бойцов и командиров, обвинив их в открытии фронта Деникину.

Ковалевич, как один из организаторов Всероссийского повстанческого комитета революционных партизан, который после разгрома московских анархистов избрал позицию активного терроризма и борьбы с большевиками встретился в Харькове с собравшимися со всех концов страны группой видных анархистов, которые приняли решение об активизации действий и прежде всего в Москве «откуда все зло».

Приехав в Москву, Ковалевич, Соболев, Барановский, Глазгон, Гречанник и другие (в их группу входило 12 латышей, членов анархических групп «Лесма» и «Аусма»)[691], организовали Московскую организацию анархистов подполья, совершенно независимую от анархистов-коммунистов, то есть махновщины.

Они приобрели помещение для типографии, конспиративных квартир, лабораторий по изготовлению документов, печатей, изготовлению взрывных устройств, гранат, приобрели полиграфическое оборудование, оружие, взрывчатые вещества и т. д.

Организация делилась на три отдела: литературный, типографский и боевиков, готовивших эксы и террористические акты. За короткое время организация издала крупными тиражами листовки: «Правда о махновщине», «Где выход», «Извещение», «Медлить нельзя», выпустила несколько номеров своей газеты «Анархия».

Организация готовилась к террористическим актам. Василий Азов (Азаров) изготовил адскую машину начинив ее двадцатью четырьмя килограммами пироксилина и нитроглицерина, замаскировав ее в футляре для дамской шляпы.

25 сентября 1919 г. в особняке графини Уваровой по Леонтьевскому переулку, 48, в помещении Московского комитета РКП (б) собрались ответственные работники большевистской партии: редакторы газет, ведущие пропагандисты и агитаторы, лекторы, представители от райкомов Москвы.

Из газеты «Известия ВЦИК» стало известно, что на заседании должны присутствовать: Антонов, Бухарин, Инесса Арманд, Каменев, Красиков, Коллонтай, Крестинский, Невский, Ногин, Смидович, Стеклов, Ярославский, Пельше, Загорский, члены ЦК, МК, верхушка Моссовета, — всего 100 – 120 человек.

В 21 час 25 сентября, во время перерыва, боевик Соболев, через окно особняка, выходившее в сад, бросил адскую машину в зал, где проходило заседание.

Силой взрыва снесло потолок, задняя стена здания рухнула на ограду и в сад. Было убито 12 и ранено 55 человек.

Вскоре в Москве появилась листовка, в которой говорилось, что взрыв произведен Всероссийским повстанческим комитетом революционных партизан в отместку большевикам за расстрелы в Харькове[692] ни в чем не повинных махновцев.

В своей газете «Анархия» № 2 от 23 октября 1919 года в статье «Только начало» они писали: «Взрыв в Леонтьевском переулке это очевидное начало новой фазы борьбы революционного элемента с красными политическими авантюристами. То, что случилось, следовало ожидать. Наглость комиссародержавия — причина случившегося. Нельзя не приветствовать этот акт.

Слишком уж обнахалились коммунисты-коммиссары. Издевательствам над всем честным и революционным, а также садистическими расстрелами подготовлена основательная почва для террора слева...

Для экономии революционной энергии в настоящее время возможна лишь борьба с динамитом. Политическая саранча разлетится от взрывов, массовое же пролетарское движение впоследствии завершит начатое дело...

Поэтому очередным вопросом подполья является организация динамитной борьбы с режимом Совнаркома и чрезвычайками, и организация массового движения там, где это возможно, для создания новых форм общественно-экономических организаций по принципу безвластия...»[693].

Арестованный ЧК А. Барановский (Попов) показывал: «...Возможно, что в дальнейшем, после разгрома Деникина было бы достигнуто соглашение между Махно и большевиками, и необходимость террористической борьбы против большевиков с нашей стороны вообще отпала бы...

Взрывчатые материалы свозились в Москву для устройства базы на тот случай, если бы большевики опять стали применять свою прежнюю тактику по отношению к Махно и повстанцам...»[694].

А в Харькове в это время протрезвленные Деникиным коммунисты, левые украинские эсеры-боротьбисты, анархисты-коммунисты, группа «Набат» с целью консолидации сил пытались организовать Ревком[695]. Но в результате действий провокаторов, в частности, Яковенко, возглавлявшим подпольный ревком, было выдано деникинцам многих подпольщиков, в том числе два состава ревкомов, которых в контрразведке после пыток расстреляли.

В докладе Н. Андрущенко от 29 ноября, адресованного в ЦК КП(б)У говорилось:

«...Про большевиков-коммунистов крестьяне говорят, что многие из них несправедливо делали: понабирали себе всего много, а другим говорили: ничего лишнего не должно быть. Уподобились попам, которые говорят про разные святости, а сами в них не верят. Многие из коммунистов и теперь служат у помещиков, по-прежнему из нас соки выжимают, ну, какие они коммунисты, зачем их в партию принимают?

Про коммуну говорят крестьяне: коммуны — это вещь хорошая, это святая вещь, в нее можно пойти, но ведь мы про нее в первый раз в жизни услышали, и нам нужно хорошенько

рассказать про нее и доказать, потом — бога нет, церквей не надо, как это так, мы и теперь еще понять не можем. Нужно все бы рассказать, растолковать, потому что мы люди темные, а потом уже и приглашать к тому, другому, а то накричали, накричали, с тем и уехали, а потом говорят: «Крестьяне не хотят Советской власти...»[696].

Покомиссарившие начальники так вспахали почву под собой, что нужно было убежать. Вкусившие власть, не хотели подвергать себя опасности на фронте или в подполье. Сохраняя себя для грядущего, они массово и резво бежали из Украины, на что ЦК РКП(б) разослал циркуляр всем губкомам партии, в котором говорилось:

«Центральный комитет РКП (большевиков) предлагает вам всех коммунистов, приезжающих с Украины без надлежащего разрешения ЦК КПУ под предлогом доклада и сдачи дел, считать дезертирами и подлежащими немедленному аресту»[697].

А мы продолжали воевать и готовились к прорыву.

26-го сентября, на всех участках петлюровская армия вступила в бой с деникинцами. В результате — одна петлюровская группа, находившаяся под Киевом, была отброшена к Бердичеву, другая из Одессы на ст. Бирзулу, третья, так называемая группа «Волынская» — из Ольвиополя вверх по Днестру к Тульчину и четвертая, «Сичевые стрелки» — под город Умань. Между «Волынской» и «Сичевиками» была расположена наша армия, удерживая западный берег реки Ятрань — приток Синюхи[698].

На рассвете 26-го сентября генерал Попов набросился на «Сичевиков», занимавших город Умань, которые без выстрела капитулировали. К ночи фланги нашей армии были раскрыты, и туда устремились деникинцы, охватив нас со всех сторон.

Мы решили действовать. Наш первый корпус имел перед собой офицерские полки: 1-й Симферопольский, 2-й Феодосийский и Керчь-Еникальский, занимая линию от Коржевого Кута до Перегоновки по реке Ятрань. Второй корпус занимал линию от Перегоновки до Краснополя также по реке Ятрань, имея перед собою 1-й и 2-й Лабинские полки (пластунские) и 51-й Литовский. Этот восточный участок был главным, а потому было решено уничтожить его до основания.

Четвертый Крымский корпус занимал южную оконечность нашего фронта и имел перед собой накануне прибывшие из Одессы и Херсона белогвардейские части, состоявшие преимущественно из гимназистов и реалистов. 3-й корпус охранял наш тыл (западную сторону), а все конные части были в резерве (северный участок) против города Умань, накануне занятом белой конницей генералов: Попова, Назарова и кавбригадой шуковского корпуса под командованием Амбурдзее.

Таким образом, перед нами стояли белогвардейские части общей численностью свыше 20 000 штыков, 10 000 сабель, при достаточном количестве орудий и пулеметов. Вот эту силу и надо было разгромить до основания.

Наша армия была наэлектризована и дышала отвагой, уверенностью в победе.

В 2 часа ночи 27-го сентября 1919 г. против села Перегоновка мы взорвали свыше 2 000 морских мин, желая облегчить свой обоз. Взрыв был сигналом к наступлению по всему фронту. Завязался жаркий бой, в результате которого наша конница ворвалась в г. Умань, преследуя остатки белых кавалеристов, изрубила до 100 человек «Сичевых стрелков», вчера перешедших на сторону белых и выступивших против нас.

Таким образом, противник потерял свыше 6 000 человек на северном участке, а остальные 4 000 разбежались по лесам и стали жертвой крестьян.

На южном участке 4-й корпус также разбил белых, захватив около 3 000

Но, восточный участок белых особенно жестоко дрался, и наши первые два корпуса не могли его разбить. Они переходили в штыки, обхватывали фланги, но противник, засевший в окопах, огнем отражал удары...

Я хорошо помню такой эпизод. Получив с северного и южного участков сведения о разгроме противника, я выехал на восточный участок. Израсходовав патроны, наши два корпуса отступали на правый берег реки Ятрань. Положение создавалось неважное, и мы было решили приостановить штурм до подхода конных частей, но Махно настаивал развивать атаку. Он явился на передовую линию со своей сотней и бросился на село Перегоновку: за ним поднялись цепи и перешли реку. Противник маневрировал. Он отступил на восточную окраину села, предоставив нашим западную и центр, а затем налег со всей силой. Наши побежали.

Вдруг показалась наша кавалерия, шедшая с громадными трофеями с северного участка. Она рысью приближалась к наблюдательному пункту, где был со штармом и я. Многие кавалеристы в бинтах, лошади уставшие: но в разгар боя, приводить себя в порядок было некогда.

С передовой прискакал к наблюдательному пункту Уралов (командир маневренного отряда) и с криком: «Скорее спасайте пехоту», тут же врезался в колонну кавалерии, вскочив на тачанку потрясая в воздухе записной книжкой, закричал: «Товарищи повстанцы! Братишки! Знаете ли вы, как белые расправляются с трудовым народом?»

Кавалеристы спешивались, образуя вокруг него громадное кольцо, командиры в это время получали от меня оперативное распоряжение.

— Вот эти желтые, истрепанные листки, — потрясал рукой Уралов, — это дневник, это исповедь[699], крик сердца, это кусочек офицерского «Я», свидетель его дум и дел. Безмолвные странички молчали, молчали до тех пор, пока не ускользнули из его рук. Вот они у меня и как они говорят, говорят правду, ужасную правду без лжи и прикрас.

В моих руках дневник офицера денкинской армии. Я читал эти страницы и чувствовал, как у меня волосы становятся дыбом, а спазмы душат, сжимают горло. Ряд картин: рабочий Донбасса — его бьют, — волновался Уралов, раскрывая дневник. — Били, били черт знает, как...

«Наконец, устали. Что с ним делать?.. Ясно в расход. Но как?

Расстрелять — обыкновенно, повесить — не стоит труда. Решили взорвать. Привязали его к дереву, между ног повесили ручную гранату... дернули шнур и... вдребезги!

Добивать пленных красноармейцев мало удовольствия, мы же здесь жаждем чего-то острого...

Нами был взят в плен крестьянин-махновец. Списать в расход, — но как?

Решили поджарить. Принесли сковороду — лист железа, развели огонь. Ах! Как он извивался... восторг! Отрезали нос... язык... поджарили спинку, а затем животик.

Надоело... Поручик Ника разрывной снес ему голову, мы хохотали!..

Мне прапорщик 2-го офицерского полка, с сияющим видом, похвалялся о расстреле 32-х жизней.

Официальным приказом деревня была оцеплена, все, что нашли нужным, обратили в имущество полка. Остальное разграбили. Хаты сожгли до тла».

— Черная свора офицерских банд грабит, жгет и любит мучениями своих жертв, — волновался Уралов.

— Товарищи! Братишки! Шестой год льется кровь, шестой год засеваем мы поля могилами, а тысячи тунейдцев ликуют, наслаждаясь нашими страданиями.

Повстанцы! Вы же великие — так расправьте собственную силу и стряхните с плеч всех палачей, панов да властителей!

Вперед на тирана!

Загремело могучее «Ура». Канонада усилилась, а пулеметы, точно мириады полевых кузнечиков, разливали смертельную трель.

— По коням! — последовала команда инспектора кавалерии Дорожа.

Повстанцы вскочили на коней. «Бригада, за мной, рысью марш!» — отозвалось дальше.

И бригада за бригадой, сотенными колоннами, вперемешку с пулеметными тачанками, колышась, точно громадная змея, летела через реку Ятрань. Вот она врезалась в цепи противника, сверкнула клинками, загремело «Ура», стрельба утихла и белые побежали в Перегоновку и в Краснополье.

Кавалерия разделилась на две равные части: одна скользнула по реке вправо на Краснополье, другая — влево на Перегоновку. В селе Краснополье Лабинские полки, воткнув штыки в землю, подняли руки, а литовцы дрались до последнего, пока не были изрублены.

В Перегоновке рукопашная схватка разгоралась. Офицерские полки — 1-й Симферопольский, 2-й Феодосийский и Керчь-Еникальский, построив каре, отходили в лесок. Но конница опередила их и, заняв опушку, ударила в клинки: офицеры побежали на восток. На протяжении 25-ти верст, от реки Ятрань до Синюхи, поле покрывалось изуродованными трупами офицеров. Незначительный их остаток, спасая жизнь, преследовался неумолимыми повстанцами на лошадях. Вот на пути река Синюха — смерть офицеров. Кавалерия успела занять левый берег, установив пулеметы, а маневровые отряды преследовали деникинцев, загоняя в реку.

Еще одна атака и... офицеров не стало. Одни превратились в кровавое месиво, а другие, бросаясь в реку, тонули под градом пуль.

Итак, группа деникинских войск повстанцами-махновцами была навсегда выведена из строя. Офицерские полки: 1-й Симферопольский, 2-й Феодосийский, Керчь-Еникальский и 51-й Литовский (до 12 000 человек) были изрублены и потоплены в реке Синюхе, а конница генералов: Попова, Назарова и Амбуладзе, потеряв до 6 000 убитыми, с четырьмя тысячами бежали в леса. Около 5 000 захваченных в плен были разоружены и отпущены по домам.

Кроме успеха и богатых трофеев, мы заслужили большую благодарность крестьян, которые получили от нас брички, лошадей и т. д. Если раньше в этих селениях, захваченных боем, были безлошадные крестьяне, то теперь их уже не было.

К ночи армия сосредоточилась на реке Синюхе, Приводила себя в порядок, отдыхала.

28-го сентября заседал Реввоенсовет, шторм и командиры. Обсуждался вопрос относительно выбора места в тылу Деникина.

«Екатеринославщину считать базой Повстанческой Армии, которая может обрасти новыми тысячами бойцов, что даст возможность развить третью анархическую Революцию на всю Украину. Поручить культ-просветительному отделу Совета составить “Декларацию Революционных Повстанцев Украины (махновцев)” и, при удобном случае, вынести на утверждение общего собрания комсостава и повстанцев...», — примерно так гласило постановление.

Поднятый мной (В. Белаш) вопрос относительно выделения из армии маневровых отрядов со специальным заданием тревожить противника в разных губерниях Украины, организовывать восстания и прочее заседанием был отклонен. Отказались рассматривать вопрос по существу, мотивируя, что его разрешение зависит только от шторма и не входит в компетенцию собрания.

В 12 часов 28-го сентября 1919 г., когда Деникин занял г. Глухов и ст. Касторную, а поляки Липель, наша армия оставила реку Синюху и вышла в поход на Екатеринославщину. Она двигалась по намеченному маршруту тремя колоннами, которые по мере удаления проселочных дорог от центральной, расходились на 30–50 верст в сторону. В состав главной (центральной) колонны входил 3-й и 4-й армейские корпуса, пулеметный полк и вся конница, шедшая в авангарде. Колонна правая (боковая) состояла из пехотных полков 2-го Азовского корпуса, левая (боковая) из пехотных полков 1-го корпуса. По приказу,

центральная колонна должна двигаться по маршруту: Добровеличковка, Ново-Украинка, Вишняковка, Верблюжка, Петрово, Софиевка, Чумаки, Хортица, Александровск, — расстояние 350 верст. Левая через: Ново-Архангельское, Большую Виску, г. Елисаветград, Аджамку, Новую Прагу, Ново-Стародуб, Зеленое, ст. Каменку, г. Екатеринослав — 320 верст. Правая через: Песчаный Брод, Ровное, Софиевку, Бобринец, ст. Долинскую, Кривой Рог, Апостолово, Никополь — 315 верст.

Таким образом, армия перебрасывалась на гг. Екатеринослав, Александровск и Никополь, откуда должна развить наступательное движение на Таврию, Полтавщину и Донщину, удерживая за собой Криворожский район. Но теория не всегда соответствует практике. Есть моменты, не поддающиеся учету во время проработки плана. Они всплывают лишь по ходу претворения в жизнь. Так было и с нашим планом.

Ночью 28-го сентября главная колонна, во главе со штармом, с боем заняла станцию Ново-Украинку, а 29-го вышла на Верблюжку. Махно задержался у своей тещи в селе Песчаный Брод, оставив себе кавбригаду 2-го корпуса. В Верблюжке пришлось ожидать его двое суток, что значительно нарушило план движения. К тому же, благодаря своеволию комкора 1-го Калашникова, поставленная перед ним задача полностью не была выполнена. У города Елисаветграда он был встречен двумя бронепоездами и пехотой. Произошел бой, в результате которого противник отступил за город. Но, пользуясь беспечностью Калашникова, противник снова перешел в наступление и отогнал его на Аджамовку. Не связавшись со штабом, он продвинулся на село Петрово и, перерезав армии дорогу, 1-го октября занял Кривой Рог, что не входило в его задачу. Таким образом, он стал на дороге 2-го корпуса, не выполнив приказа — занять Екатеринослав.

Из села Верблюжки пришлось выделить две группы для розыска Калашникова и Махно. Одна из них, так называемая «Херсонская группа», общей численностью до 1 000 штыков, 100 сабель, одного орудия и 10-ти пулеметов, под командованием Ващенко и его помощников Клименко и Ф. Иванова, выделенная из 4-го Крымского корпуса и состоявшая из Казанского отряда и батальона 12-го полка, должна была обогнать Калашникова и завернуть его на Екатеринослав. Кроме того, находясь в подчинении 4-го корпуса, группа должна развернуться в «Херсонский корпус».

Оперативный базис ей был указан: город Николаев, Херсон, Новый Буг, Кривой Рог, Вознесенск, Ровное, Бобринец, то есть Херсонщина, где она пополняется и агрессивными действиями с запада прикрывает главные силы Повстанческой Армии на Екатеринославщине.

Другая, так называемая «Киевская группа», в составе одного батальона (бывшие григорьевцы), 5-го Гуляйпольского полка (3-го корпуса), численностью 500 штыков, 20 сабель, 4 пулемета, под командованием Рябонова и его помощника Калюжного возвращается обратно в село Песчаный Брод. Группа разыскивает Махно, передает ему распоряжение штаба и Реввоенсовета. Дальше она остается в районе Умани, Таращи, Корсуня, Звенигородки на формирование «Киевского Повстанческого Корпуса», который агрессивует в этом районе и подбирает больных махновцев и повстанцев вообще, оставшихся в Уманском районе.

1-го октября не успели обе группы выйти из села Верблюжки в указанные районы, как в штаб явились левые эсеры во главе с Миргородским, Степовым (он же Блакитный и Пеструшка) и анархистом Мирским[700] помощником Шубы. Они говорили, что в районе Кременчуга имеется много повстанцев, сидящих в лесу без оружия, и что их надо вооружить. Вскоре было заседание штарма, на котором Мирский докладывал о состоянии отряда Шубы.

Как упоминалось ранее, отряд Шубы я встретил в Жеребце, когда бежал от ареста из г. Александровска. Он оставил фронт и, перейдя р. Днепр, устремился на родину в район Бахмача. Но у г. Кременчуга на него напала бригада 14-й армии и частично обезоружила. С остатком в 200 человек он бежал в «Черный лес», где партизанит до сих пор и где встретился с эсерами-активистами: Блакитным, Калибердой и петлюровцем Скирдой. Услышав о нашем прорыве, они решили нас перехватить. Когда они явились к нам, их отряд (500 штыков) уже подходил к Новой Праге.

Получив заверение эсеровской фракции нашего Реввоенсовета о том, что эти отряды не имеют никакой связи с петлюровщиной и что они всецело будут подчиняться штарму, я отпустил Блакитному 1 000 винтовок и передал один батальон (1 000 штыков) 5-го Гуляйпольского полка под командованием Кацюры. Таким образом, выросла «Среднеднепровская группа» под командованием Блакитного в составе отряда Кацюры (1 000 штыков, 10 пулеметов), отряда Калиберды (1 000 штыков, 5 пулеметов) и отряда Скирды (500 штыков, 2 пулемета).

Отряд Шубы был пополнен бывшими красноармейцами-северянами, изъявившими согласие идти на Черниговщину, и насчитывал 500 штыков, 70 сабель и 5 пулеметов. По мере увеличения числа бойцов он разворачивается в «Черниговский корпус».

Кроме этих отрядов и групп, организовалась «Полтавская группа» (1 500 штыков, 100 сабель, 10 пулеметов, 1 орудие) под командованием Христового[701] и политическим руководством Бутовецкого[702] — секретаря Миргородского «Набата». С увеличением численности группа переименовывается в «Полтавский корпус».

Все три группы, по оперативному заданию, вместе вышли в северном направлении и должны были занять г. Черкассы. В нем остается группа Блокитного, имея оперативный район: Черкассы, Бобринская, Чигирин, Кременчуг и Ново-Георгиевская, здесь она пополняется и следует далее на Знаменку, Александрию и Белую Церковь. Две остальные группы: Христового и Шубы из Черкасс проходят на север, и первая остается в районах: Ромны, Гадяча, Зинькова, Лохвицы, Миргорода, Хороля, Золотоноши, Пирятин и Прилух; вторая проходит в Черниговскую губернию и занимает район Бахмача, Конотопа, Батурина, Путивля, Коренево, нанося удар белогвардейскому фронту.

Итак, ночью 1-го октября они ушли. Какое-то внутреннее чувство мне подсказывало, что эти маленькие группы принесут деникинскому тылу во много раз больше вреда, чем Повстанческая Армия в целом. Они расползутся по Херсонщине, южной Киевщине, Черниговщине и Полтавщине и будут бить во многих местах противника, одновременно принуждая его, как бешеную собаку, бросаться во все стороны, тогда как армия будет

отсиживаться на Екатеринославщине и в Таврии.

В 12 часов ночи, наконец, приехал Махно, с которым я поделился своими планами о разрушении деникинского тыла. Он возмущался и выражал негодование, упрекая в распылении армии на отряды. Но меня поддержали Волин, Чубенко и другие.

«Чего ты кричишь, Нестор? Пойми же, эти группы станут набатом, будирующим фактором третьей анархической Революции на Украине», — говорил Волин. И Махно притих. Он угостил нас чистым спиртом, после которого в штабе запели песни. Уже светало, когда части выезжали на сборные пункты, а командиры заходили в штаб выпить по рюмке. Используя момент, я поставил вопрос о привлечении к ответственности Калашникова за неисполнение приказа штарма. Была выделена комиссия из состава штарма и Реввоенсовета, для расследования причин неисполнения приказа и достойного наказания Калашникова. Но так как 2-й и 13-й полки с кавбригад его корпуса вернулись в село Петрово, то пребывание в Кривом Роге комкора с 1-м и 3-м полками не имело для армии большого значения. Поэтому я распустил комиссию и ограничился записью в приказе строгого выговора Калашникову и Буданову.

Второго октября мы вышли из с. Верблюжки и, пройдя 100 верст, заночевали в с. Софиевке, а третьего достигли с. Чумаки и Томаковки.

Александровский и Никопольский белые гарнизоны (формирующийся полк) вышли по железной дороге на Томаковку с заданием удержать «разбитую махновскую банду», как генералы писали в приказе. Но тут же они капитулировали и добровольно вступили в нашу армию. Это были крестьяне окрестных сел и, естественно, не доверять им было бы не разумно.

Командование над ними принял Матяж[703], выдававший себя за активного сторонника анархического движения, а командирами батальонов были назначены: Гладченко[704], Милашко[705], Кондратенко, ротными: Дьякивский, Черноус, Березняк, Петренко, Федорченко, Тишанин и другие. Эта единица была назвала «Повстанческая группа Матяжа» и насчитывала в своих рядах свыше 1 500 штыков. Она должна была формироваться в Софиевском районе и с запада прикрывать Екатеринослав, Никополь и Александровск.

Одновременно с этим, комкор 4-го Крымского Павловский с 10-м и 12-м пехотными и 9-м Кавалерийским Лепетихским полками получил задание: закрепляя г. Никополь, спуститься по течению Днепра на Перекоп, разворачивая полки в бригады лишь на Таврии. Его помощник — Володин[706] с 11-м Мелитопольским пехотным и 10-м кавалерийским полками следует на Александровск. 13-й полк из с. Софиевки выступает на Екатеринослав, который должен занять и укрепиться. Второй пехотный и 1-я кавбригада Щуся (часть 1-го корпуса) следуют на г. Александровск.

Так на Александровск следовали в полном составе 2-й и 3-й армейские корпуса, 1-я кавбригада, 2-й пехотный полк 1-го корпуса, 11-й пехотный и 10-й кавалерийский полки 4-го корпуса. Город тогда охранялся батальоном белой пехоты, а Хортица — эскадроном

кавалерии. На Кичкасском мосту была рота с пулеметами, которая охраняла его с обеих сторон.

В оперативной сводке армии от 3-го октября мы сообщали:

«...Стратеги-генералы и офицеры, сняв с себя обмундирование, бегут в леса. Поле усеяно трупами и погонами от Умани до Кривого Рога. Кривой Рог и Долинская оставлены противником без боя.

За последние дни взято нами 20 орудий, более 100 пулеметов, 120 офицеров и 500 солдат, причем последние изъявили желание сражаться в наших частях против золотопогонного офицерства. Разведка наша, посланная по направлению Александровска, Пятихаток и Екатеринослава, до сего времени противника не обнаружила»[707].

В три часа ночи 5-го октября, когда Деникин 3-го, заняв Дмитриевск и Ливны[708], продвигался к Орлу, наши кавбригады во главе с Махно налетели на Хортицу и изрубили эскадрон белых. В четыре часа они заняла Кичкасский мост и потопили в Днепре охрану, а в 5 часов ворвались в Александровск, защитники которого поездом драпанули на ст. Синельниково.

Итак, «Революционная Повстанческая Армия Украины (махновцев)» прошла за 7 дней от г. Умани 350 верст и с малейшим сопротивлением заняла Кривой Рог, Никополь и Александровск.

На всем пространстве, где проходили корпуса, крестьяне встречали нас радушно. Культпросвет, во главе с Волиным и Гутманом, разбрасывал ранее заготовленные воззвания, призывающие к восстанию против Деникина. Крестьяне были нашими помощниками в деле разрушения деникинского тыла. Женщины угощали лучшим куском хлеба, свежим молоком, маслом, получая за это от повстанцев английское обмундирование, снятое с офицеров на р. Синюхе. И все были горды сознанием, что дни Деникина сочтены. Без малейшей опасности организовывались Советские органы, так называемые «советы на местах» времен Керенского при благосклонном участии левых эсеров, отчего их фракция в Реввоенсовете приходила в неописуемый восторг.

В десять часов утра пятого октября в г. Александровск входила наша пехота[709]. Она занимала городские окраины и продвигалась в ближайшие селения.

Штармом вырабатывался план дальнейшего наступления, во исполнение которого на рассвете 6-го октября, когда Деникин занимал г. Воронеж, части начали движение из города. Я со штармом и Реввоенсоветом оставался в г. Александровске, откуда, имея телеграфную связь, удобнее было руководить армией. Конница двух корпусов: 1-я бригада Щуся и 3-я — Коляды, во главе с Махно, вышла в восточном направлении. За нею потянулась пехота 3-го корпуса Гавриленко, закрепляя район, пройденный конницей.

Под вечер 6-го октября Махно с боем занял Орехово, где взял четыре автоброневика легкого калибра, два танка, несколько пулеметов и до 200 пленных. 7-го на рассвете он занял родное Гуляйполе, где изрубил до 70 конных стражников, а к обеду окружил ст. Пологи.

Белое командование бросило свои резервы, чтобы приостановить наше движение на восток. Кроме стоящего пехотного полка на станции Пологи, сюда накануне прибыли чеченцы — маршевые эскадроны шкуровцев и мамонтовцев. Махно вступил с ними в бой, продолжавшийся четыре часа. В результате он уничтожил до 300 офицеров, два эшелона чеченцев, взял свыше 4 000 пленных и захватил 9 вагонов снарядов, потеряв своих пять человек убитыми и семь ранеными.

К 12 октября Махно занял Цареконстантиновку, Гайчур, Керменчик, Большую Янисоль. 1-ю бригаду Щуся он отправил на ст. Большую Михайловку (Дибривки), которая была к 15 октября им занята со всем районом: Чаплино, Гришино, Авдеевка. Командир пулеметного полка Ф. Кожин[710] с 30-ю пулеметами, батальоном пехоты и сотней конницы к этому времени занял г. Юзово, в котором держался три-четыре дня.

Второй Азовский корпус, ушедший из Александровска 6-го октября, вечером занял Большой Токмак и, оставив там комендантскую роту, вышел на Бердянск, окружив его на рассвете 8-го октября. Город охранялся двумя тысячами белогвардейцев, успевших за 10 верст обнаружить Вдовиченко. Сюда Деникин перевез из Новороссийска «Варшавский арсенал», который снабжал боеприпасами Орловский участок, фронта. В нем было до 20-ти миллионов патронов, много винтовок и орудий.

Бой длился пять часов. Белые защитники дрались на улицах упорно, строя баррикады, устанавливая батареи. Но неумолимый Вдовиченко продолжал теснить со всех сторон. И белые, не выдержав, побежали на пароходы и без того доверху загруженные местной буржуазией. Однако убежать не удалось. Славный командир батареи Осипенко[711] четырьмя снарядами пустил их на дно, потопив два парохода.

Белогвардейцы бросились на косу, уходящую в море на 20 верст и местами достигающую 10 сажень ширины: здесь находился «Варшавский арсенал». Наши бросились за ними, как вдруг задрожала земля, заколыхались строения, зазвенели стекла: громадный клуб дыма взвился над косою, окутывая город и море. Сильный взрыв, за ним еще сильнее и еще грознее — арсенал взлетел на воздух. Один неосторожный выстрел и шальной снаряд взорвался над первым ярусом мин и снарядов: от детонации взорвались все остальные. Взрывы похоронили на косе остаток белогвардейцев, и разорванные тела долго еще волнами выбрасывались на берег.

Уцелевшие трофеи: 2 000 снарядов, 26 английских и русских орудий, из них 16 горных, 3 миллиона патронов, 50 пулеметов, 30 грузовых и 5 легковых автомобилей, 2 мотоцикла, 5 автоброневиков, один исправный аэроплан, 50 000 пудов зерна, 3 000 комплектов английского обмундирования[712] и т. п. достались Вдовиченко, все остальное погибло на косе.

Утром 9-го Вдовиченко занял г. Ногайск (Приморск), с. Новоспасовку (Осипенко) и Петровское.

14-го, когда Деникин занимал г. Орел, Вдовиченко занял г. Мариуполь, захватив четыре парохода: два с мобилизованными и арестованными, а два — с английским

обмундированием и мануфактурой.

В порту было до четырех миллионов пудов угля и кокса, а в городе много военного имущества. Отсюда он выслал 2-ю кавбригаду для занятия г. Таганрога — ставки Деникина.

К вечеру 16-го октября 2-я кавбригада заняла ст. Новониколаевскую (Новоазовск), что 65 верст западнее г. Таганрога. К этому времени от г. Мариуполя до ст. Карани пехотой Вдовиченко занял линию железной дороги, ведя наступление на Волноваху, где была сильная белогвардейская группа, охранявшая артбазу.

Из городов Александровска и Никополя 4-й Крымский корпус Павловского наступал, как я говорил, в Крымском направлении, 4-го октября Павловский со своими полками: 9-м кавалерийским, 10-м и 12-м пехотными занял г. Никополь и перешел Днепр. 5-го он занял Большую Знаменку и Верхний Рогачик, 6-го по утру — Малую и Большую Лепетиху, а 8-го — Каховку.

Его помощник Володин с 11-м пехотным и 10-м кавалерийским полками вышел из г. Александровска на рассвете 6-го октября. 9-го утром он занял ст. Федоровку, а под вечер — г. Мелитополь, в котором захватил много зерна, до 100 автомобилей, 2 танка, 2 автоброневика, 2 бронепоезда и проч. 13-го он занял ст. Ново-Алексеевку и г. Геническ, захватив четыре больших баржи с зерном, а Павловский продвинулся на линию Алешки, Раденское, Чалбасы и Чаплинку. Противник не оказывал никакого сопротивления, и это создавало в командовании корпусом некоторую беспечность.

Первый корпус Калашникова не имел такого успеха, как остальные. 13-й его полк к 8-му октября занял с. Михайловку, что в 35 верстах юго-западнее г. Екатеринослава; 9-го он занял Сурско-Литовское, где задержался по случаю боязни ударить по Екатеринославу, в котором производилась мобилизация буржуазных сынков. 5-го октября 2-й полк вышел из г. Александровска на Синельниково и 6-го занял ст. Софиевку и Михайлово-Лукашево.

В этом районе оставался с группой Петренко-Платонов, в июне месяце не пожелавший отступить с Красной Армией и расстрелявший красноармейцев, приехавших его арестовать. Оперируя в тылу Деникина, главным образом, в районах Дибривок и Лукашево, за четыре месяца он был разбит, и к этому времени насчитывал в своих рядах до 300 штыков при 5 пулеметах и одном бомбомете. Соединившись с 2-м полком, они атаковали г. Славгород.

В городах Екатеринославе и Павлограде белые формировали пехотную дивизию, которая выступила против нашего 1-го корпуса. Кроме того, Славгород защищался батальоном пехоты, отступившим из Екатеринослава, и бригадой Екатеринославской государственной стражи под начальством жандармского полковника Попковича. Командующим этим участком, Екатеринославским губернатором С. С. Щетининым, был назначен генерал генштаба Равишин, в то время находившийся с Щетининым на ст. Синельниково на бронепоезде «Дмитрий Донской». Своими силами они превосходили 2-й и 13-й пехотные полки 1-го корпуса, отчего в первых боях могли удержать за собой Славгород, Синельниково и Екатеринослав.

Мы ожидали подхода 3-го Крымского полка, которым Калашников прогуливался по Кривому Рогу, надеясь с занятием Волновахи снять 3-ю кавбригаду (3-го корпуса) и бросить ее на Синельниково.

Но наши надежды остались несбыточными. Калашников только 7-го вышел из Кривого Рога на Апостолово. 9-го он зашел в г. Никополь, а вечером вышел на Александровск, куда прибыл 10-го октября. Оказывается, милый комкор был оскорблен. Он говорил: «Что же вы отобрали у меня конницу, выхватили маневровые отряды (Казанский, Ващенко, Уралов) — с чем я мог идти на Екатеринослав?»

В тот же день из Александровска на Славгород был выслан 1-й полк Клейна, а отряд Петренко передан на ст. Чаплине в распоряжение комкора З. Гавриленко. 3-й Крымский полк Полонского, для несения гарнизонной службы, был оставлен в г. Александровске.

В этот период полки вырастали с невероятной быстротой, впитывая в армейский организм добровольцев. Наряду с отделами формирования под руководством штаба и инспектора, вернее начальника отдела формирования — Новикова, в обязанности которого входило пополнение численным составом армии, формирование именных полков под руководством выдвинувшихся командиров, пользующихся авторитетом у населения. Некоторые полки успели превратиться в бригады, и уже недоставало винтовок, чтобы их вооружить. Поэтому комендантское управление и продовольственные армейские подотделы в городах и селах были разоружены и винтовки переданы полевым частям.

К 25-му октября армия имела свыше 100 тысяч вооруженных бойцов.

Не спали и белые. 17-го октября из Крыма на Мелитополь они повели наступление и оттеснили Володина от Сальково и Геническа (левый фланг 4-го корпуса) до ст. Сокологорки. Но правый фланг 4-го корпуса успешно развивал наступление и в этот день занял Бреславль и Перекоп.

На участке 2-го корпуса, со стороны Таганрога (17-го октября), подошла конная группа — запасные шкуровские сотни, а с моря на Мариуполь пытались высадиться пластуны. На ст. Розовку из г. Орла прибыла 2-я Терская дивизия, пополненная чеченцами в г. Юзово. На ст. Синельниково выгрузилась Донская кавбригада генерала Морозова и Терская сводная, общей численностью 2 500 сабель.

Итак, к 17-му октября Деникин успел организовать против нас внутренний фронт, подчинив его командарму Добровольческой генералу Май-Маевскому. Закипели бои, в результате которых утром 18-го октября мы оставили г. Мариуполь и села: Поповку, Магедово, Гусарку и Цареконстантиновку. В жарком бою у с. Цареконстантиновки сильно пострадал наш 5-й Гуляйпольский кавполк, потерявший до 200 убитыми и ранеными, обоз и два орудия. Но получив подкрепление, он снова занял Цареконстантиновку, отбросив 2-ю шкуровскую дивизию на Розовку, захватив два состава боеприпасов (400 тыс. патронов, 1 000 винтовок, кухни, 4 орудия, снаряды и др.) и уничтожив эшелон (700 человек) чеченцев. На Мариупольском участке к вечеру положение также было восстановлено, и город был возвращен.

18-го утром части 1-го корпуса перешли в наступление на прибывшую конницу (кавбригада Донская и Терская сводная) и, потеснив ее, заняли г. Славгород, где захватили 42 вагона ячменя, 5 тыс. патронов и 400 винтовок[713]. Из г. Александровска на подкрепление 1-го и 2-го полков был брошен 3-й Крымский.

Развивая наступление, повстанцы атаковали ст. Синельниково, которую закрепили за собой в 2 часа 21-го октября, захватив до 700 донцов, чеченцев и стражников, два орудия, пулеметы, винтовки, эшелон лошадей, 70 вагонов угля и 13 паровозов[714]. Офицеры выволакивались из погребов и на глазах жителей расстреливались.

К 21-му октября на юзовском участке мы отошли на линию Гришино-Всесвятское, а между Гришине и Павлоградом продвигались на север.

Что касается правобережья Днепра, то там, кроме 13-го пехотного полка, действовал Матяж. Его группа разделилась на две неравные части: одна, большая, во главе с комгруппой; 9-го октября заняла ст. Долинскую, а другая, под командой Огия[715], ушла в Кобыляцкий уезд Полтавской губернии. Утром 10-го Матяж имел бой с четырьмя ротами офицеров, приехавших из Одессы. Матяж отступил на Гуровку, пропустив их на Кривой Рог. Вечером 11-го они заняли г. Никополь, разогнав нашу комендантскую команду и самоохрану.

14-го они переплыли Днепр и в с. М. Знаменке потребовали от жителей выдачи махновцев. Крестьяне схватились за вилы и погнали их обратно. Отступая, офицеры зажгли две хаты, чем еще больше озлобили селян. Им на помощь спешили крестьяне окрестных селений и вместе блокировали Никополь.

Первое серьезное сопротивление белых групп 17-18 октября на участках Сальково, Мариуполь, Цареконстантиновка, Юзово и Синельникове показало, что противник концентрирует против нас силы. Чтобы парализовать его волю и деморализовать кавчасти, идущие с северного красного фронта, особенно шкуровские, я прибег к партизанщине.

С занятием Александровска при штарме формировались маневровые группы: Каменева[716], в составе отряда Сыроватского[717] (Серобабы) — 1 000 штык., 100 сабель, 10 пулеметов, 2 орудия; отряда Колесниченко[718] — 1 000 штыков, 70 сабель, 12 пулеметов, 3 орудия; и Чередняка, в составе — отряда Сова[719] — 1 000 штыков, 150 сабель, 15 пулеметов, 2 орудия и 1-го Екатеринославского полка (батальон 2-го полка 1-го корпуса) — 1 000 штыков, 170 сабель, 20 пулеметов, 4 орудия.

Этим группам была поставлена задача: разрушение белогвардейского тыла — имея операционный базис в Бахмутском, Изюмском, Старобельском и Харьковском уездах. На рассвете 20 октября, во исполнение приказа, они вышли в рейд по маршруту: Чаплино, Барвенково и Тепленские леса, что на берегу северного Донца, между гг. Славянском и Изюмом. Группа Каменева разворачивает агрессивные действия в этом районе. Группа же Чередняка продвигается дальше и, достигнув района Купьянск, Чугуев, Волчанск, также открывает действия. Вслед за ними, в район Валок, выше отряд Иванюка[720] численностью 150 штыков, 3 пулемета и 2 бомбомета.

Ранее, 10-го октября я был вызван Махно в Гуляйполе, куда отправился поездом по исправной дороге: белые не успели взорвать мостов, а стрелки быстро нами были исправлены. К этому времени состояние Гуляйпольского участка, в целом, а полков, в частности, было неважное. Махно отпустил бойцов в недельный отпуск, чтобы «дух перевели», как он выражался. Поэтому на данном участке мы не могли двинуться дальше Цареконстантиновки. А на ст. Волноваха были большие запасы снарядов. Тарановский было вызвался их взорвать. Ему дали два эскадрона, с которыми он, дойдя к немецким колониям, запьянствовал, набрал тачанок и вернулся обратно.

Махно продолжал пить и гулять на свадьбах у повстанцев. Наконец я его уговорил выехать из Гуляйполя на Бердянск. И вскоре мы катили к морю.

Приехав в город, мы объявили митинг, на котором горожан призывали организовать Совет крестьянских, рабочих и повстанческих депутатов, как экономическую, а не политическую организацию. Назначили Уралова начальником гарнизона, а Голика[721] — комендантом г. Ногайска. Здесь же дали распоряжение Чубенко — взорвать тюрьму, из которой по занятию города Вдовиченко освободил заключенных, но взорвать так, чтобы на ее месте не выросла новая и чтобы кирпичи были пригодны к строительству. Чубенко задачу блестяще выполнил: тюрьма была взорвана. Рабочие брали кирпичи на свои нужды, когда мы выезжали из Бердянска на Мелитополь.

По дороге, как и в Бердянске, мы раздавали нуждавшимся рабочим зерно, отбитое у белых, за что нас благодарили.

В Мелитополе тюрьма также была взорвана, а кирпичи разбирали рабочие и крестьяне. Здесь выслушали жалобу Володи на Павловского. Володин проявлял карьеризм и, видимо, хотел стать комкором 4-го Крымского. На Павловского он клеветал, упрекая в диктаторстве и сочувствии эсерам. Запретив Володину всякие самовольные конфискации, расстрелы немцев-колонистов и городской буржуазии, мы оставили все в прежнем состоянии.

В названных городах при Деникине находились на нелегальном положении коммунисты и левые эсеры. Меньшевики и правые эсеры при Деникине были легальные, какими оставались и при нас. Большевикам и левым эсерам, как и меньшевикам и правым эсерам, мы разрешили свободу проповеди своих идей, а равно — свободу печати, слова, митингов и собраний: они были легализованы в подлинном смысле этого слова.

Профсоюзы устраивали нам обеды, после которых на руках выносили к автомобилям. Из Мелитополя мы вернулись в Большой Токмак, где взорвали памятник Александру II, провели митинг, обошли формируемую бригаду и выехали на Гуляйполе.

14-го октября мы были уже в Александровске. На протяжении всего пути к нам обращались рабочие и железнодорожники. Они просили нашей помощи, и мы разрешили выдавать зерно, где только оно было в нашем распоряжении.

«Красным работали, Петлюре работали, гетману работали, Деникину работали, вам работаем, а жалования никто нам не дает», — говорили они. Нас спрашивали, кто будет выплачивать зарплату и какими деньгами. Это побудило Махно 15-го октября написать и

выпустить воззвание с одной точкой:

«К железнодорожникам.

В целях скорейшего восстановления нормального железнодорожного движения в освобожденном нами районе, а также, исходя из принципа устройства свободной жизни самими рабочими и крестьянскими организациями и объединениями, предлагаю тт. железнодорожным рабочим и служащим энергично сорганизоваться и наладить самим движение, устанавливая для вознаграждения за свой труд достаточную плату с пассажиров и грузов, кроме военных, организуя самим свою кассу на товарищеских и справедливых началах, и входя в самые тесные сношения с рабочими организациями, крестьянскими обществами и повстанческими частями.

Командующий Революционной Повстанческой

Армией Украины Батько Махно.

г. Александровск. 15 октября 1919 г.»[722]

14-го ночью в штабе мы разбирали дело начальника штаба 2-й бригады — Богданова[723]. Он две недели не находился при своей части, дезертировал. Кроме того, в городах Никополе и Александровске, самовольно накладывал контрибуцию на буржуазию в личных интересах. Собрание вынесло смертный приговор. Он был расстрелян контрразведкой 1-го корпуса в ту же ночь. Причины расстрела Богданова были опубликованы в газете «Путь к Свободе» № 9. В ответ на это боевые полки вынесли резолюции с пожеланием вести жестокую борьбу с дезертирами, оправдывая смертный приговор над Богдановым.

На заседание явился Волин — зав. культпросвет, отделом РВС. Он ругал меньшевиков, заседавших в профессиональных союзах.

Надо сказать, что с нашим приходом все политические партии были легализованы, и комитеты их существовали открыто, наравне с анархическими организациями. Тем более, профессиональные союзы, которые были нашей опорой в городе. Однако, правые эсеры и меньшевики при Деникине вылезли на командные высоты и находились на них и сейчас. Они саботировали нас на каждом шагу, живя идеей Учредительного собрания.

Волин рассказывал: «10-го октября в Коммерческом училище нами, культпросветом, был организован деловой митинг, собрание. Народа было, как никогда. На повестке дня стоял вопрос: о ближайших задачах общественно-экономического строительства. Собрание выносит резолюцию: Предложить Совету профсоюзов г. Александровска и окрестностей, совместно с профсоюзом металлистов и другими организациями, созвать не позже 14-го октября с. г. (нов. стиля) Конференцию (деловой съезд) “рабочих и крестьян г. Александровска и ближайших окрестных сел”.

Резолюция была мною послана в Совпроф 11-го утром, а вечером они нам пишут: “На извещение отдела от 11-го октября с. г. созываемой Конференции рабочих и крестьян города Александровска и ближайших сел; Исполнительный комитет Совпрофа доводит до

вашего сведения: 1) за краткостью срока созыва Конференции. (14 октября); 2) неопределенного района и неуказанием норм представительства; 3) отсутствия в распоряжении Совпрофа средств сообщения; 4) отсутствия полномочий Делегатского Собрания — Совета Профессиональных Союзов и необходимых на то средств, Исполнительный Комитет Совпрофа и его Президиум не считает для себя возможным выполнить поручение частного совещания, состоявшегося 10 октября в помещении Коммерческого училища.

В случае отложения совещания и принятия на себя инициативы по его созыву вашим отделом, просьба не отказать в сообщении норм представительства от рабочих и других слоев трудящихся, а также программы совещания для предварительной постановки этих вопросов в порядке дня нашего Делегатского Собрания»»[724].

Волин продолжил: «Я так и говорил, что рабочие сейчас, в силу целого ряда условий, не деятельны, робки и не революционны, и успех 3-й Революции зависит теперь, главным образом, от крестьянства. Но, чтобы организация, считающая себя рабочей и при том руководящей, отказалась от почина в деле созыва рабочего съезда, чтобы рабочая организация выставила причинами отказа ряд пустых, ничтожных и формальных препятствий, чтобы рабочая организация рабски, снова и снова предоставляла постороннему учреждению тащить за собой и даже вырабатывать для них норму представительства, — до такого позора не доходила еще, кажется, никогда ни одна рабочая организация.

Очень хорошо, что Совет поступил именно так. Он себя убил навеки. Ибо мы надеемся, что рабочие теперь воочию убедятся в бессилии и жалости своей организации. Мы надеемся, что они отзовут от рабочего дела этих робких законников и заменят их людьми более живыми, энергичными и смелыми.

Действительно, Совпроф скомпрометировал себя. Он показал рабочим свое настоящее меньшевистское лицо. Тем более, что эту ошибку повторил в другой раз.

Однажды, шестого октября я дал начальнику снабжения армии т. Серегину распоряжение:

“Предложить Совету профсоюзов, через его рабочий аппарат, близко стоящий к массам, организовать бесплатную раздачу беднейшему населению города 15 000 пудов пшеницы...”.

Серегин предложил. Но, по неизвестным мотивам, Совет отказался от[725]

то[726] и рекомендовал ему “обратиться с этим делом к городскому продовольственному Комитету” — этому насквозь буржуазно-чиновничьему и спекулятивному учреждению, от которого население едва ли получило бы и 100 пудов муки. К тому, Совет предложил “раздать муку по рыночной стоимости”. Это, когда речь шла о беднейшем и голодающем населении, которому просто не на что покупать?

— И что же вы сделали? — спросил Волина Долженко.

— Во-первых, опубликовали статью «Позор»[727], а, во-вторых, решили сами созвать съезд, накануне Военно-Революционный Совет разослал организациям городов и сел приглашение, которое я отпечатаю в газете[728]. На съезде должны быть только представители крестьян и рабочих. Съезд созывается 28 октября нов. стиля в г. Александровске на 2 часа дня.

Волин читал распоряжение Военно-Революционного Совета: «Норма представительства съезда: От каждых 3 000 — один делегат. От каждой повстанческой части — один делегат. Если рабочие организации и предприятия имеют менее 3 000 человек, то они тоже посылают одного делегата.

Порядок дня съезда: 1. Военный вопрос. Обсудить и решить вопрос о том, как защитить наш район от нападения врагов Революции. 2. Вопрос снабжения революционной народной армии. 3. Вопрос об организации съездом Комиссии из крестьян, рабочих и повстанцев для созыва дальнейших съездов по вопросам экономического и социалистического строительства в стране. 4. Текущий момент.

Подпись: Военно-Революционный Совет Революционной Повстанческой Армии Украины (махновцев)»[729].

Дальше Волин зачитал собранию «Проект Декларации Революционной Повстанческой Армии Украины (махновцев)».

Таким образом, махновщина переходила от анархических лозунгов, которые без толку расточались ежедневно, к практическим путям «Советского Вольного Строя».

К этому времени села и деревни заканчивали выборы в экономический Совет, понимая его, как большевистский Совет депутатов, организовывая так называемую очередную самоохрану. Крестьянство, в отношении мобилизации и продовольствия армии, проявляло себя активно и отдавало свою молодежь добровольно для борьбы с деникинцами.

Но в городах рабочие организации были диктаторами и тяжелыми на подъем. Они поддавались влиянию всех политических партий, которые, имея свободную трибуну и печать, тянули пролетариат, как крыловский воз. И, как воз, рабочий города не двигался с места. Культурно-просветительный отдел армии на страницах газеты ругал меньшевиков, призывая рабочих взять производство в свои руки, то есть социализировать его и стать полным хозяином экономических завоеваний. Ежедневно проводились собрания и митинги, где разъяснялись цели 3-й анархической Революции.

24-го октября, по распоряжению штарма, подрывная команда взорвала александровскую тюрьму. Террор над буржуазией под непосредственным руководством Махно к этому времени начал утихать. Ожидали 4-го районного съезда и готовились к нему.

Наступило 28 октября, и ровно в 2 часа дня съезд открылся. Делегатов прибыло около 300 человек. Был избран, так называемый, секретариат съезда, исполняющий функции президиума. Волин был докладчиком от Реввоенсовета и культпросвета армии, по инициативе которого был созван съезд. Делегаты приступили к докладам с мест.

Некоторые представители рабочих организаций г. Александровска в своих речах 30-го октября призывали съезд к пораженчеству, доказывая, что рабочие не подготовлены руководить производством, что крестьяне без помещика не в состоянии управиться с социализированной землей, и что, вообще, для рабочих нужен здоровый капитализм, ибо они не желают быть хозяевами. Они призывали съезд к учредилке.

Надо сказать, что перед съездом на митингах и собраниях право-эсеров-меньшевистские ораторы, в лице Мухина (народник), Мартынова-Крылова, Гюльсера[730] и др., говорили рабочим: «Пойдем на съезд... потолкуем... поговорим...». О это тогда, когда дело шло о социализации в районе и организации Коммуны.

На съезде Махно не выдержал. Он выступил с разгромной речью, обратив внимание крестьян, рабочих и повстанцев на авантюру меньшевиков и правых эсеров, которые и теперь проповедовали идею учредилки, саботируя всякую другую социалистическую форму революционной борьбы, науськивали рабочих на революционных повстанцев.

К концу своей гневной речи Махно обозвал их «ублюдками буржуазии». Присутствовавшие на съезде меньшевики и правые эсеры (Мухин, Мартынов-Крылов и их сподвижники), то есть представители некоторых рабочих организаций г. Александровска, «обиделись» и демонстративно покинули съезд, заявив, что «они не могут работать на съезде, где их оскорбляют». Они ушли под несмолкаемый крик и свист делегатов. Большевики-коммунисты, боротьбисты и левые эсеры продолжали оставаться на съезде, ругая меньшевиков.

2-го ноября съезд принял следующую резолюцию по вопросу об организации военных повстанческих сил:

«1. Съезд, отрицая в принципе регулярную армию, построенную на началах принудительной мобилизации, как противоречащую основным принципам интернационального социализма, могущей вследствие оторванности от питающих ее классов, стать оружием политического авантюризма, какими бы лозунгами (монархическими, буржуазными или социалистическими) авантюризм не прикрывался, съезд полагает:

а) Ввиду тяжелого положения на фронте и необходимости физических сил в смысле поддержки фронта и смены усталых бойцов, произвести на территории, освобожденной Повстанческой Армией (махновцев), добровольную уравнительную мобилизацию за 30 лет, то есть от 19-48 лет.

б) Формирование производится по территориальному признаку (по селам, волостям и уездам) с выборным командным составом, хозяйственно-судебными органами при частях, начиная от полков.

в) Необходимо доизбрание 5-ти членов Военно-Революционного Совета из числа участников данного съезда 3-х от крестьян и 2-х от рабочих. И в дальнейшем с пополнением из вновь освобождаемых Повстанческой Армией местностей и из вновь формируемых частей.

г) Необходимо создание выборной агитационной Комиссии при Военно-Революционном Совете для успешного проведения добровольно-уравнительной мобилизации и разъяснения населению, в связи с положением текущего момента.

д) Из состава делегатов съезда избрать агитационную Комиссию в составе 12-ти человек, с предоставлением права кооптации.

е) Все вопросы данной резолюции проводятся в жизнь согласно прилагаемой инструкции, утвержденной данным съездом, Военно-Революционным Советом, штабом армии и командным составом»[731].

По второму вопросу — «всемерно поддерживать обеспечение армии, стремясь к скорейшему созданию всюду на местах своих свободных общественно-хозяйственных организаций и их объединению между собой. Создать комиссии из трудящихся по проведению конфискаций у буржуазии, наложению контрибуции, собиранию обмундирования.

Все эрг[732] комиссии должны были работать в контакте с главной комиссией при отделе снабжения армии. На них же возлагалось обеспечение семейств повстанцев и беднейшего населения.

По третьему вопросу — выделена комиссия для подготовки и созыва следующего рабоче-крестьянского съезда по вопросам общественно-экономического строительства.

По четвертому вопросу — по докладам с мест считать положение дел, ввиду недавнего освобождения от белых — неудовлетворительным. Призвать к энергичной работе на местах, мобилизации повстанческих сил, внутренней организации тыла на началах общественной справедливости и дружного труда»[733].

Кроме этих резолюций, по некоторым специальным вопросам съезд постановил: «1. О тяжелом положении больных и раненых.

Съезд признает необходимым выделить из своей среды санитарную комиссию из 10-ти человек, которая, в сотрудничестве с членами Военно-Революционного Совета и другими армейскими организациями, приступила бы немедленно к работе по устройству питательных и распределительных пунктов, по приведению в порядок лазаретов и госпиталей, по организации хозяйственной части, по привлечению необходимого медицинского персонала и т. д.

2. О пьянстве в Армии.

Съезд предлагает Военно-Революционному Совету Армии принять самые энергичные и строгие меры, вплоть до расстрела, по борьбе с разлагающим и расслабляющим Армию злом — пьянством. Съезд рекомендует Р.В.С. изъять все водочные и винные склады, а равно и общим заведыванием дела изготовления, хранения и распределения спирта, водки, вина и других алкогольных напитков из рук каких бы то ни было отдельных лиц, или учреждений и взять пока это дело в свое ведение.

Съезд предлагает Р.В.С. бороться самым беспощадным образом против выделки самогона, а населению предлагает повсеместно и решительно прекратить таковую. Съезд предлагает Р.В.С. возбудить вопрос о выделке, хранении и распространении спирта, водки и пр., лишь в количестве, потребном для медицины и иных обществ для военно-необходимых целей. Все же излишние запасы съезд рекомендует уничтожать или отравлять.

3. По поводу жалоб и наговоров на деятельность воинских контрразведок.

Съезд предлагает Р.В.С., — во избежание всякого рода недоразумений, слухов, оговоров и претензий, выделить из своей среды комиссию, пополнив таковую представителями от рабочих и крестьянских организаций, — в целях разъяснения и улаживания всякого рода нареканий и недоразумений между населением и повстанцами, с одной стороны, контрразведывательными органами, с другой; а также в целях, вообще внесения возможно большей гласности и публичности в это, чрезвычайно ответственное и сложное дело.

4. По поводу протеста представителей Совета Профессиональных Союзов и заводов, а также резолюции и конференции заводских комитетов.

Заслушав и обсудив содержание протеста представителей Совета Профессиональных Союзов и резолюции Конференции фабрично-заводских комитетов г. Александровска, каковые документы направлены были в президиум съезда, съезд на заседании своем от 2-го ноября, в составе более двухсот делегатов, из коих 12 от рабочих организаций и предприятий, единогласно постановил: 1. Считать оба документа, ввиду содержащейся в них неправды, не заслуживающим ответа; 2. Довести до сведения представителей обоих протестов, что, если бы тов. Махно не поспешил бросить в лицо некоторым членам съезда и их выборщикам вполне справедливое обвинение на заседании 30-го октября, то съезд, вне всякого сомнения, сделал бы то же самое одним-двумя днями позднее. 5. Об украинском языке.

Считая себя неправомочным разрешать вопрос о взаимоотношениях между русским и украинским языками на Украине, — съезд постановил снять этот вопрос с очереди, предоставляя решение его широким рабоче-крестьянским съездам недалекого будущего. 6. О пособии школам глухонемых г. Александровска.

Съезд предлагает передать вопрос на рассмотрение комиссии по снабжению, выделенной съездом»[734].

На съезде был оглашен проект декларации Реввоенсовета о Вольных Советах, построенный на основном тезисе анархического учения — проведение общественных начал таким образом, чтобы люди могли пользоваться жизнью и ее благами в равной степени; организация общественных отношений таким образом, чтобы не было никакой зависимости не только одной группы от другой, но и отдельных индивидуумов друг от друга, чтобы не было признаков власти в людских отношениях.

В проекте декларации, в частности, говорилось:

«Трудящиеся классы Украины стоят ныне перед лицом событий громадной важности и величайшего исторического смысла. Несомненно, значение этих событий уходит далеко за пределы самой по себе революционной Повстанческой Армии. Но Повстанческая Армия, будучи передовым отрядом в развертывающейся борьбе, считает своим долгом раскрыть перед трудящимися Украины, всей России и всего как те цели, за которые она борется, так и смысл событий, естественным средоточением которых она в настоящее время является.

В феврале-марте 1917 г. Украина вместе с Великороссией пережила первую революцию, сущность которой заключалась в падении романовского самодержавия и в переходе Политической государственной власти сперва к группе лиц из класса крупной земельно-промышленной буржуазии, а затем — к группе деятелей из мелко-буржуазного и соглашательского лагеря.

В силу целого ряда условий ни та ни другая власть не могли оказаться и не оказались прочными, Всего восемь месяцев понадобилось для того, чтобы оттолкнуть революционные массы от того и от другого правительств, не имевших ничего общего с интересами и стремлениями трудящихся.

Уже с июля 1917 г. определенно назревает вторая революция. Она разражается в конце октября. Она вручает государственную власть в руки крайней левой политической партии социал-демократов большевиков (коммунистов), считавших себя партией революционного пролетариата и беднейшего крестьянства, партией социальной революции.

С самого начала событий эта партия вела длительную борьбу за политическую власть со всеми другими партиями. Ее общие лозунги совпадали с инстинктивными стремлениями трудящихся масс, которые и поддерживали ее в решительный момент.

Таким образом, восьмимесячный опыт смены буржуазно-соглашательских правительств и восьмимесячная борьба между различными политическими партиями за государственную власть заканчиваются победой партии коммунистов, которая и становится у власти в конце октября 1917 г.

Но уже очень скоро начинает делаться ясным, что и эта партия, что и эта власть, подобно всякой партии и всякой власти, будучи сама по себе абсолютно бессильной в деле осуществления великих задач социальной революции, в то же время парализует свободную творческую деятельность самих трудовых масс, единственно способных разрешить эту задачу. Делается ясным, что, прибирая к своим рукам (формально — к рукам государства) всю хозяйственную и общественную жизнь, неизбежно создавая новые политические и экономические привилегии, эта партия и эта власть убивают в корне социальную революцию.

Бессилие коммунистической партии и власти вывести трудящихся на истинный путь борьбы за социализм, вызывает естественное разочарование, недовольство и озлобление широких трудовых масс против этой партии и этой власти. Полный развал хозяйственной жизни и в связи с этим, нелепая крестьянская политика власти создают серьезное и повсеместное брожение в деревне.

В Великороссии власть успевает, однако, быстро организовать крепкий государственный аппарат/и покорную вооруженную силу, при помощи которых она, как и всегда, временно/оказывается в силах железной рукой подавить всякое проявление народного недовольства.

Иначе складываются обстоятельства на Украине.

Прежде, чем украинские трудовые массы успевают разочароваться в деятельности коммунистической власти, Украина захватывается австро-германцами и попадает под пяту сперва гетманской, а затем петлюровской власти. Насилие этих властей приводит здесь к взрыву народного негодования, к новому возмущению против самой идеи власти и к широкому партизанскому (повстанческому) движению, проникнутому истинным революционным духом — беспартийным и безвластным. По уходу австро-германцев революционные повстанцы рядом сильных ударов очищают всю Украину от гетманщины и петлюровщины, снова открывая дорогу коммунистической власти, которая и водворяется здесь весной 1919 г.

Разочарование наступает с необыкновенной быстротой. Уже через месяц, недовольство и озлобление трудовых масс как рабочих, так и, в особенности, крестьянских, — сказываются в полной силе. Целые районы (Екатеринославщина, Таврия) начинают все более определенно стремиться к свободной общественно-хозяйственной организации на основе беспартийности и безвластия. Эти районы не допускают в своих пределах никакой деятельности политических властей. К концу лета вся Украина кипит крестьянскими восстаниями и широким повстанческим движением против не оправдавшей доверия масс коммунистической партии. Надвигается третья революция, которая в настоящее время уже началась, в которую Украина ныне уже вступила.

В то же время, снова поднимает голову реакция. Третья революция сталкивается с попыткой восстановления монархии.

Надеясь еще раз овладеть положением и суметь сломить обе враждебные силы (и революционно-повстанческую, и реакционную), коммунистическая власть подготавливает и осуществляет, при посредстве деникинского наступления, предательский разгром главного ядра революционного повстанчества — армии Махно. Но государственный и военный аппарат коммунистической власти, не успев, в свое время, утвердиться и окрепнуть на территории Украины, оказывается не в силах ни заменить собою предупредившее его и успевшее пустить здесь глубокие корни вольное повстанческое движение, ни совершенно раздавить это движение, ни вовремя ликвидировать деникинское наступление. Повстанческая Армия выходит из тяжелого испытания хотя и поколебленной, но не разбитой. Будучи выбита из родных мест, она стремится во что бы то ни стало сохранить себя, переправляется на время в другие районы и продолжает жестокую борьбу с деникинскими силами, обманувшими расчеты Троцкого и нанесшими революции тягчайший удар. Коммунистический аппарат оказывается вынужденным очистить поле борьбы и предоставить (по крайней мере, на время) защиту революции на Украине живому партизанскому движению революционных повстанцев.

В настоящее время Украина пылает пожаром крестьянских восстаний и революционно-повстанческой борьбы против реакции. Наряду с этим, в борьбу между начинающейся, таким образом, третьей революцией и монархической реакцией снова вмешивается еще одна сила, уже знакомая украинскому трудовому народу: буржуазно-республиканское правительство Петлюры. Нетрудно видеть (и трудящиеся классы уже более или менее понимают это), что и эта сила, неся с собою новую политическую власть, несет, следовательно, новый политический и экономический гнет, новое насилие над стремящимися к свободному строительству крестьянскими и рабочими массами. Решительное столкновение между идеей вольной, безвластной организации (идеей, воспринятой уже значительными массами Украины) и идеей политической власти (монархической ли, коммунистической, или же буржуазно-республиканской) становится, таким образом, неизбежным. Будущее покажет, кто выйдет победителем в борьбе.

Таков, к сжатым чертам, тяжелый революционный опыт, пережитый нами, повстанцами-махновцами, за два с половиной года революции. Нам остается прибавить, что, как в нашем районе, так и в других местах, мы бывали свидетелями и участниками успешных попыток безвластной общественно-хозяйственной организации без вмешательства какого бы то ни было правительства. Все такие попытки ликвидировались при посредстве прямого вооруженного насилия со стороны того или иного правительства.

В результате этого тяжелого, но поучительного опыта, а также в силу некоторых соображений теоретического характера, мы, прежде всего, заявляем определенно и открыто следующее:

Опыт революции непоколебимо убедил нас в том, что никакая политическая партия и никакая политическая государственная власть не в силах разрешить великие задачи нашего времени, не в силах привести к восстановлению и организации разрушенного народного хозяйства, не в силах осуществить стремления и удовлетворить нужды трудовых масс.

Мы убеждены, что, вследствие того же пережитого и переживаемого опыта, значительные массы украинских крестьян и рабочих подошли уже ныне к тому же выводу и не потерпят, на сколько-нибудь продолжительное время, никакого политического гнета над собой.

Мы находим, что в недалеком будущем, все трудящиеся классы придут к тому же выводу, что они должны будут и сумеют сами взяться за строительство своей трудовой, хозяйственной, общественной и культурной жизни на свободных началах, без опеки, без давления и диктаторства какой бы то ни было личности, партии или власти.

Мы заявляем поэтому, что развертывающееся ныне народное повстанческое движение на Украине является началом великой третьей революции, стремится к окончательному раскрепощению масс от всякого гнета власти и капитала как частного, так и государственного.

Мы заявляем, что наша повстанческая махновская армия является лишь боевым ядром этого революционного народного движения на Украине, ядром, призванным организовать вокруг, себя все революционные повстанческие силы и помочь восставшему народу в его борьбе

против всяких покушений со стороны власти к капитала.

Мы заявляем, что смысл и значение событий на Украине должны сосредоточиваться не на нашей армии, как таковой, а на том широком народном движении, которое разворачивается на Украине и оборонительной боевой силой которого является наша армия.

Украина стоит на пороге подлинной крестьянской и рабочей революции. Таков основной смысл происходящих событий. Мы, повстанцы-махновцы, лишь дети этой революции, ее слуги и защитники.

И когда революция эта, разгоревшись полным пламенем, охватит собою всю трудовую Украину и освободит ее от всех насильников и властителей, — тогда мы, ее верные бойцы, растворимся в миллионных рядах восставшего народа и приступим, рука об руку с ним, к свободному строительству истинно новой жизни.

Что касается, далее, основных воззрений наших на важнейшие вопросы безвластного экономического и общественного строительства, то мы считаем необходимым предварительно заявить следующее:

Мы глубоко убеждены, что предоставление народу полной возможности свободно выковывать формы своей хозяйственной и общественной жизни естественно и неизбежно приведет к установлению подавляющим трудовым большинством народа социалистических форм общежития. Мы находим, что эти формы могут быть на деле найдены и выкованы лишь самими трудящимися массами, при условии их совершенно свободного и самостоятельного общественно-хозяйственного творчества. Мы считаем поэтому не целесообразным и даже губительным навязывать трудящимся массам наши убеждения силой политической или какой бы то ни было иной диктатуры, считаем губительным вести массы за собой при помощи управления ими сверху. Мы ограничиваем нашу роль простой идейной и организационной помощью трудовому народу, в виде изложения наших мнений и взглядов, в виде простого предложения совета, разъяснения или указания. Мы полагаем, что народ должен иметь полную возможность выслушивать все мнения и советы, но применять их к жизни и строить жизнь должен сам, самостоятельно и свободно, без партий, диктаторов и властей.

Поскольку, таким образом, речь может идти лишь о простом изложении наших взглядов, мы обращаем главное внимание трудящихся, прежде всего, на необходимость создания ими истинно свободного советского строя.

СОВЕТСКИЙ СТРОЙ.

Сущность подлинного советского строя должна, по нашему мнению, состоять в следующем.

«Для организованного налаживания новой хозяйственной и общественной жизни свободные крестьяне и рабочие, естественно, создают — повсюду на местах — свои общественно-экономические организации: сельские комитеты или советы, всевозможные союзы, кооперативы, рудничные, фабричные и заводские комитеты, железнодорожные, почтово-телеграфные и иные организации. В целях широкого объединения и взаимной связи, все эти

организации — производственные, профессиональные, распределительные, транспортные и другие — естественно, создают снизу вверх объединяющие их органы в виде экономических советов, выполняющих техническую задачу регулирования общественно-хозяйственной жизни в широком масштабе. Советы эти могут быть волостными, городскими, областными и пр. Они организуются по мере надобности, на свободных началах. Они ни в коем случае не являются политическими учреждениями, руководимыми теми или иными политическими деятелями или партиями, диктующими свою волю и осуществляющими под маской “советской власти” свою политическую власть; они являются лишь совещательно-исполнительными органами, регулирующими живую хозяйственную Деятельность на местах.

Такой советский строй явится, действительно, организацией свободных рабочих и крестьян. И если создание его станет действительно свободным делом самих рабочих и крестьянских масс; если живая хозяйственная работа всех низовых, местных и объединенных советских организаций начнет вовлекать в себя все более и более широкие рабоче-крестьянские массы, без принуждения и произвольного вмешательства каких бы то ни было политических партий или властей, то, по нашему мнению, весьма скоро удастся наладить общественно-хозяйственный аппарат на началах социального равенства, справедливости и товарищества, и тем самым положить конец существованию классов, политических партий и властей, а также господству одних национальностей над другими. Отсталые и нетрудовые слои населения со временем будут естественно втянуты в этот трудовой аппарат. Всякая “политическая деятельность”, по самому своему существу всегда неизбежно сводящаяся к созданию, укреплению, поддержанию системы привилегий, системы политического и экономического угнетения трудящихся классов, всякая “политическая” организация и деятельность за ненадобностью отпадут и упразднят сами себя.

На вопрос о том, где будут при таком строе сосредоточиваться «официальные» нити некоторых важных отраслей общественной и гражданской деятельности (учебно-воспитательное дело, медицинское и санитарное дело, дорожное дело, регистрация браков, рождений и смертей, общая статистика и т. д.), мы отвечаем, что помимо широкой и свободной частной инициативы, наиболее ценной и плодотворной, соответственные отделы могут быть, в случае надобности, легко созданы при Советах. Роль и деятельность этих отделов не будет ни сложной, ни громоздкой, если правильно налаженный общественно-хозяйственный аппарат будет функционировать повсюду на местах, в низовых местных организациях и советах»[735].

В пункте декларации о суде говорилось:

«...По вопросу о необходимости организации судебно-административного аппарата мы выдвигаем прежде всего то основное положение, что закостенелый, раз навсегда установленный судебный и полицейских аппарат, равно как и всякие мертвые определенно зафиксированные “своды законов” являются самым грубым нарушением истинного правосудия и подлинной самообороны населения.

Истинное правосудие должно быть организованным, но живым, свободным творческим актом общежития.

Самооборона населения должна быть делом свободной, живой самоорганизации. Поэтому всякие омертвелые формы правосудия, судебные учреждения, революционные трибуналы, уложения о наказаниях, полицейские или милицеские институты, чрезвычайки, тюрьмы и вся прочая старая бесплодная и ненужная ветошь — все это должно отпасть само собой и упраздниться при первом же дыхании свободной жизни, при первых же шагах свободной и живой общественно-хозяйственной организации... Равным образом самооборона населения должна быть построена на организации охраны живыми местными силами, но не должна быть делом специалистов-милиционеров. Казенная официальная организация дела правосудия и обороны не только не достигнет цели, но губит в корне всякое правосудие и всякую самооборону»[736].

В аграрном вопросе говорилось о денационализации земли и передаче ее тем, «кто на ней трудится».

В отношении социального неравенства деревни говорилось: «Трудовое крестьянство само без труда справится с кулачеством, сперва перенимая у него лишнюю землю в пользу общества, а затем, естественно, втягивая кулацкие элементы в общественную организацию»[737].

В 3 часа дня 2-го ноября, после того, как прошли выборы в разные комиссии, съезд закончил свою работу. В заключительном слове Волин еще раз поздравил делегатов и просил, чтобы они на местах отмечали, что съезд прошел без политических партий и прений.

Надо сознаться, съезд прошел шумно. Делегаты съезда вполне были довольны Волиным и не требовали организации власти. Они решили, как эксперимент, обойтись без нее. И вполне естественно крестьяне оказывали нам поддержку людьми, оружием, продуктами, лошадьми и т. д., возлагали на нас надежды, выносили свои резолюции:

Так собрание граждан Никопольской волости от 2-го ноября 1919 г. вынесло резолюцию:

«Собрание, обсудив разыгравшиеся на Украине события повстанческого движения против угнетателей — Добровольческой деникинской армии, которая творит террор, убийства, грабежи, насилие над жителями и поджоги их домов и даже целых сел, и желая прийти на помощь повстанческому движению для изгнания насильников с Украины и добытая народу земли и воли, и полного порядка, постановило: объявить добровольную мобилизацию немедленно по Никопольской волости мужскому населению в возрасте от 18 до 25 лет, которым немедленно выступить на фронт повстанцев, а от 25 до 45 лет оставить дома и поручить им самоохрану в селах. В связи с этим организовать волостную комиссию для оказания всякой помощи неимущим мобилизованным, ушедшим на фронт... Командировать в Екатеринослав трех человек для получения указания и командировки человека из штаба Повстанческой Армии для формирования полка на месте. Просить также штаб о выдаче оружия для самообороны»[738].

Между тем, военные события разворачивались.

К 15 октября Деникин достиг максимального успеха на красном фронте.

Состояние красных войск на средину октября 1919 г. характеризует письмо члена Реввоенсовета 14-й армии Южного фронта Г. К. Орджоникидзе к В. И. Ленину:

«Дорогой Владимир Ильич!

Сегодня я думал заехать в Москву на несколько часов, но решил, что лучше — скорее в армию. Я теперь назначен в Реввоенсовет XIV армии. Тем не менее, решил поделиться с Вами теми в высшей степени неважными впечатлениями, которые я вынес из наблюдений за эти два дня в штабах здешних армий. Что-то невероятное, что-то граничащее с предательством. Какое-то легкомысленное отношение к делу, абсолютное непонимание серьезности момента. В штабах никакого намека на порядок, штаб фронта — это балаган. Сталин только приступает к наведению порядка. Среди частей создали настроение, что дело Советской власти проиграно, все равно ничего не сделаешь. В XIV армии какой-нибудь прохвост Шуба, именующий себя анархистом, нападает на наши штабы, арестовывает их, забирает обозы, а комбрига посылает на фронт под своим надзором для восстановления положения. В XIII армии дела не лучше. Вообще-то, что здесь слышишь и видишь, — нечто анекдотическое. Где же эти порядки, дисциплина и регулярная армия Троцкого?! Как же он допустил дело до такого развала? Это прямо непостижимо. И, наконец, Владимир Ильич, откуда это взяли, что Сокольников годится в командармы? Неужели до чего-нибудь более умного наши военные руководители не в состоянии додуматься? Обидно и за армию и за страну. Неужели, чтобы не обидеть самолюбие Сокольникова, ему надо дать поиграться с целой армией? Но довольно, не буду больше беспокоить Вас. Может быть, и этого не надо было, но не в состоянии заставить себя молчать. Момент в высшей степени ответственный и грозный. Кончаю, дорогой Владимир Ильич.

Крепко, крепко жму Ваши руки. Ваш Серго»[739].

А вскоре он же писал В. И. Ленину:

«...Факт, что на Украине Махно действует довольно чувствительно...»[740].

Успехи Деникина на красном фронте омрачались утерей своего тыла, который был занят махновским повстанчеством. (Так, если он имел к 18 ноября 1919 г. боевую линию против Красной Армии в 1 760 верст, то в его тылу Повстанческая Армия (махновцев) исключая отсюда маневровые группы и отряды, заняла фронт длиной в 1 150 верст). Удерживая за собой юг Украины, она изолировала деникинский фронт от его морских баз снабжения, то есть от Одессы, Николаева, Херсона, Крыма, Бердянска, Мариуполя; прервала связь и переброску грузов по Днепру, лишила армию Деникина пополнения живой силой и т. д.

Повстанческая Армия (махновцев) достигла серьезных успехов, овладев обширным районом степной Украины — Екатеринославской, Херсонской, Таврической губерний, районами наиболее развитой промышленности и сельского хозяйства с населением в несколько миллионов человек.

В этих границах на юге и западе правобережья Днепра образовался ряд «республик», такие как Висунская, Баштанская и другие, выступающие единым фронтом с махновщиной. И, естественно, Деникин должен был напрячь усилие, чтобы, возможно скорее, успокоить тыл.

Он поспешил на нас бросить свои резервы, которые в первых боях были разбиты. Все идущие с Кавказа на фронт под Тулу воинские части Деникин отправляет на участок Мариуполь-Волноваха; затем он снимает с Воронежского участка 2-ю Терскую шкуровскую дивизию и бросает их против нас со стороны Волновахи, а немного позже, из Орла направляет и 1-ю Туземную шкуровскую дивизию — со стороны Константинограда (Красноград). В помощь Крымскому и Одесскому формированиям с Кавказа посылает казачьи пластунские полки, а со стороны Знаменки — Кременчуга на помощь Екатеринославскому гарнизону (4-й сводной дивизии и бригаде государственной стражи) целиком направляет 3-й армейский Крымский корпус под командованием карьериста и палача — Слащева.

В состав 3-го корпуса входила 34-я и 13-я стрелковые дивизии под командованием генералов Андгуладзе и Васильченка, 1-й Кавказский и Славянский пехотные полки, Донская и Терская конные бригады, переброшенные из Синельниково на Кременчуг, отряды особого назначения, отряды местного ополчения, саперы, три бронепоезда, 48 полевых и 16 горных орудий, пулеметы и т. д.

Всеми частями, действующими против нас, командовали генералы Равишин и Щетинин, под непосредственным наблюдением генерала Май-Маевского.

Таким образом в короткий промежуток времени Деникин против нас успел организовать фронт. Начались упорные бои, описывать которые стоит больших трудов. С 20-го октября он давил на все участки сильными кавалерийскими группами, в результате боев Повстанческая Армия начала отход. И в момент, когда она отводилась за Днепр, чтобы укрыться с восточной стороны рекой, Красная Армия перешла в наступление на севере, громя Деникина, к 20 октября, заняв г. Орел. Мы упорно продолжали удерживать за собой Мелитополь, а 21 октября утром заняли ст. Синельниково. Когда Буденный занимал г. Воронеж, мы оставили г. Мариуполь, ст. Карань, Гришине и отошли на линию — Ялта, Широкое, Темрюк, Цареконстантиновку (Куйбышево), Большая Янисоль (Великая Новоселка), Кошары. 26-го ноября Красная Армия занимала г. Дмитров, мы оставили ст. Чаплино, 28-го Перекоп и Цареконстантиновку, а 3-го – 4-го ноября оставили г. Бердянск, Пологи и Гуляйполе.

На северо-западном участке наши дела поправлялись. Лашкевич[741], выполняя приказание штаба о занятии Екатеринослава, но не будучи уверенным в своих силах и желая наименьших потерь, применил партизанскую тактику. К назначенному времени наступления на Екатеринослав он заслал в город отряды повстанцев, под видом крестьян, привезших для продажи на базаре дары земли. Привоз был как никогда. Особенно много возов было с уродившей в этом году капустой. Базар удался на славу. Много зевак и солдат без оружия беспечно бродили по городу и базару. И вот, заняв стратегически важные исходные позиции, одновременно во многих местах города застрочили пулеметы. Это было сигналом общего наступления на город. Внезапность принесла свои плоды.

В день открытия александровского съезда (28 октября) 13-й полк Лашкевича занял город Екатеринослав, потопив в Днепре его защитников — 4-ю сводную дивизию и бригаду стражников. Напрасно главком Май-Маевский в «Екатеринославском вестнике» от 23

октября писал: «Не сдавать города, ибо на Махно двинуты полки генерала Шкуро».

Бывший белый генерал Слащев, перекрасившийся в красный цвет и ставший военспецом Высшей военной академии Красной Армии, писал:

«...Махно блестяще сумел воспользоваться пренебрежением к нему белой ставки главкома и, проявив высокий организаторский талант, быстро сформировал новые отряды и стал даже угрожать Таганрогу и Ростову, заставив серьезно опасаться за целостность места расположения главнокомандующего белых. Не успев, — ввиду подвоза крупных сил белых к Ростову и Таганрогу — овладеть месторасположением ставки, Махно снова вернулся в Приднепровскую Украину и, в буквальном смысле, снова разметал в разные стороны войска начальника обороны Екатеринослава...

Тут бросается в глаза умение Махно действовать не только партизанским, но и регулярным способом и быстро формировать и сколачивать свои части (по мерке гражданской войны вообще милиционного характера) в хорошие, упорно дерущиеся регулярные войска...»[742].

В это же время на заседании Зафронтбюро ЦК КП(б)У от 30 октября был рассмотрен вопрос «О заметках в газетах “Правда” и “Известия”, рекламирующих Махно...». Было принято постановление о посылке в организационное бюро ЦК РКП(б), в котором «обращалось внимание на недопустимость такого рекламирования и высказывалась просьба дать соответствующие директивы редакциям...»[743].

Чтобы обеспечить отход армии на правый берег Днепра, в распоряжение Мятяжа, прикрывавшего армию с запада, 30 октября я послал 2-й пехотный полк, который с отрядом Огня 4-го ноября занял г. Верхнеднепровск. 4-му корпусу приказал развить операцию к западу от Днепра, в районе Николаева, Херсона, Вознесенска.

На 4 ноября 1919 г. Повстанческая Армия Украины (махновцев) занимала линию фронта в 750 верст, которая проходила через: г. Ногайск, Большой Токмак, Орехово, Ново-Николаевка, ст. Раздоры. Зайцево, Илларионово, Синельниково, Михайловку (Бановку), Петриковку, Верхнеднепровск, ст. Верховцево, Софиевку, Апостолово, Большую и Малую Александровку, Снегирёвку, Каховку, Ивановку, ст. Акимовку. Ново-Константиновку.

Кроме того, маневровые группы успели развернуть внутренние операционные линии, перемешиваясь с петлюровскими и красными советскими отрядами и линиями сильного рабоче-крестьянского брожения. Своими действиями мы приковали к себе крупные силы белогвардейцев и этим объективно помогали Красной Армии[744] в столь трудный для нее критический час.

К несчастью, в нашей армии разразилась эпидемия тифа, уносившая из ее рядов тысячи лучших бойцов. К тому же, вновь сформированные не обстрелянные части бежали по домам и армия редела. Казалось, что Деникин нас задушит, но удержит достигнутую линию на северном фронте. Но это было наше предположение.

С 5-го ноября, после упорных боев между Доном – Волгой, а равно на тяжелом центре — Орел – Воронеж, Деникин, сбитый Советскими войсками, начал отход.

Таким образом, его армия начала отступление двумя крупными группами: первая — во главе со ставкой, в составе Добрармии, кубанцев, терцев и донцев с участка Орел – Царицын на Кавказ и вторая, в составе войск Шилинга и Драгомирова с участка к западу от Орла на Одессу, прикрывая г. Николаев. В Крымском направлении, из-за боязни споткнуться о нашу армию, Деникин не отходил и смотрел на этот полуостров, как на территорию, обреченную к сдаче. Однако, он все еще не терял надежды ликвидировать армию повстанцев и давил на все участки, что было мочи.

4-го ноября у нас было заседание штаба и Реввоенсовета, на котором решили перенести из Александровска в Екатеринослав газету «Путь к Свободе». Здесь же письменно оформили вопрос о свободе печати всем политическим партиям. Единогласно была принята резолюция:

«1. Всем, без исключения, социалистическим, политическим партиям, организациям и течениям предоставляется полнейшая свобода распространять свои взгляды, идеи, учения и мнения как устно, так и печатно. Никакие ограничения свободы социалистического слова и социалистической печати не допустимы, и никакие преследования в этом направлении не должны иметь места.

Примечание: 1. Сообщения военного характера допускаются к опубликованию лишь при условии получения их из редакции главного органа революционной Повстанческой Армии “Путь к Свободе” или в Революционном Телеграфном Агентстве (Ретаг).

2. Предоставляя всем социалистическим партиям и организациям полнейшую свободу своих идей, военное командование Повстанческой Армии в то же время предупреждает все партии, что подготовка, организация и навязывание ими трудовому народу политической власти, ничего общего со свободой распространения своих идей не имея, революционным повстанчеством ни в коем случае допущено не будет»[745].

Подписавши резолюцию, мы начали эвакуацию Александровска. Свою газету «Знамя восстания» эсеры также переносили в Екатеринослав.

Обыкновенно эвакуация рождает всякие толки и слухи среди населения. Буржуазия зашевелилась и всячески старалась внести смуту и панику.

Находясь в штабе, я делился с Махно новостями о том, что в городе Екатеринославе наш 13-й полк Дашкевича соединился с красной дивизией Бибика, которая, не пожелав отступить с Украины дальше на север, самовольно бросила фронт на участке Чернигова и ушла на соединение с нами. Мы дали ей новое название 1-й повстанческой дивизии. Махно радовался, когда заходит Долженко и заявляет, что меньшевики и правые эсеры разводят среди рабочих настоящую контрреволюционную пропаганду. «Они агитируют против нас, за Деникина», — говорил он. Махно тут же написал воззвание:

«Граждане.

Буржуазия все хихикает, видя наши неудачи на некоторых фронтах. Я скажу свое последнее слово: напрасно буржуазия злорадствует, напрасно надеется на наше поражение и торжество юнкерского белого Дона и Кубани. Временная неудача наша на этом участке — есть гибель буржуазии. Для этого приняты мною меры. От рук оставшихся здесь начальников по обороне г. Александровска т. Калашникова и его помощника т. Каретника должна постигнуть гибель всей буржуазии и всех ее приспешников.

Смерть буржуазии!

Смерть всем приспешникам ея!

Да здравствует освобождение трудящихся!

Да здравствует социальная Революция!

Командующий Армией Батько Махно. 4 ноября 1919 г. г. Александровск.»[746]

Воззвание было отпечатано листовкой и распространено по городу, а следующего дня появилось в газете. В своем обращении к «гражданам» Махно вложил идею безмотивного террора над, так называемой, местной буржуазией, присовокупляя к этому паразитическому классу и ее идеологов — кадетов, меньшевиков и правых эсеров. К этому моменту все тыловые учреждения и Полевое управление, в том числе и армейская контрразведка, заканчивали эвакуацию из Александровского района на правый берег Днепра. В самом городе оставались некоторые полевые части 1-го Донецкого корпуса, часть корпусной контрразведки и городская самооборона, находившаяся в непосредственном подчинении коменданта города, который, кроме того, имел свой штатный отряд военной полиции махновцев, учрежденной командованием для поддержания порядка и дисциплины в местах расположения войск. Все остальное успело отправиться на Екатеринослав, куда под вечер 6 ноября 1919 г. выехал и Махно, предварительно дав контрразведке список Александровских «тузов», куда попали меньшевики и народники Мартыновы, Крыловы, Мухины и некоторые право-эсеровские цекисты. Это был список лиц обреченных на бессудный расстрел. Контрразведке оставалось только аккуратно его выполнить.

В одну ночь по списку было арестовано до 80-ти человек. Начальник корпусной контрразведки, комкор Калашников и его помощник Каретников, назначенные начальниками по обороне г. Александровска, обратились ко мне, как к начальнику штаба, с просьбой санкционировать смертный приговор. Было устроено заседание в контрразведке. Через него были пропущены все арестованные. Среди них особенно выделялась основная группа местной промышленной буржуазии; финансисты и купцы, которые за время нашего пребывания в городе основательно были материально обсосаны и нами и рабочими, поочередно бастовавшими за повышение зарплаты. Они знали, что им угрожает (всем было предъявлено обвинение в принадлежности к классу буржуазии и связи с Деникиным). Они являли собой жалких трусов, особенно меньшевики и некоторый административно-технический персонал железнодорожных мастерских и заводов. Все умоляли даровать им жизнь.

В самом деле, за что их надо было лишать жизни? За то ли, что они крупные буржуа и меньшевики, срывавшие начатки анархического коммунизма в «свободном городе», за что? Это был бы безмотивный террор, исполнение которого не исправляет существующего положения: армия отступает, город обречен на сдачу. Такой массовый террор, естественно, взволновал бы народ, а в конце концов мы бы имели со стороны деникинцев встречный, белый террор над рабочими. Поэтому его пришлось отменить, а всех арестованных освободить под честное слово, что они никогда не будут участвовать в белом движении ни лично, ни материально и положат все усилия для облегчения нищенского существования остающихся в городе рабочих, над которыми ни в коем случае не допустят расправы со стороны белых. Освобожденные александровские «тузы» данное слово вполне сдержали: ни один рабочий белыми не был расстрелян, ни одного, даже совершенно мотивного, с точки зрения буржуазии, преследования не было.

По освобождению арестованных город значительно был успокоен — все знали, что мы его сдадим, отчего ожидали прихода белых, некоторые с трепетом, а некоторые с затаенной радостью.

7-го ноября, когда Красная Армия занимала Гдов, Севск и Малоархангельск, наш пулеметный полк в районе ст. Софиевки (25 верст северо-восточнее г. Александровска) имел жаркий бой с 1-й дивизией Шкуро. В результате — два чеченских полка окончательно были уничтожены пулеметным огнем. Однако полк лишился взвода (45 шт.) пулеметов.

Части 1-го Донкорпуса, принимая на себя удар 1-й Туземной дивизии Шкуро, по приказу оставили ст. Синельниково, Славгород и Софиевку, сосредоточившись впереди г. Александровска и Кичкасского моста. Части 3-го Екатеринославского корпуса, также по приказу оставили Орехово, Заливное, Камышеваху, сосредоточивались впереди Александровска по линии Натальевка до разъезда Лежина, принимая на себя активные действия 2-й Терской дивизии Шкуро. 2-й Азовский корпус, оторвавшись от обсервационных частей противника в районе Большого Токмака, где по приказу штарма так же оставил обсервационные (наблюдательные) пехотные отряды, сосредоточился к востоку от Ново-Григоровки, имея связь с правым флангом 3-го корпуса.

По своему стратегическому замыслу это должна была быть колоссальная операция, преследующая цель — нанесения противнику возможно большего урона, чем лишить его инициативы и наступательного порыва.

Наша боевая линия проходила по радиусу правильного полукруга на восток, упираясь центром в Кичкасский мост, а крыльями в 20-ти верстах от него по Днепру: северным в с. Андреевку и южным — у Камкрыновки, имея при этом весьма неблагоприятную тыловую линию — реку Днепр, удобопроходимую по Кичкасскому мосту.

К ночи на 8 ноября 1919 г. размещение сил белых было следующее: а) в районе Софиевки: 1-я Туземная дивизия Шкуро (из 8-ми полков), имеющая наличного боевого состава — 4 000 шашек, 12 пушек конного дивизиона, 64 пулемета; Донская сводная стрелковая дивизия генерала Виноградова (из 6-ти полков) в количестве 9 600 штыков, 12 пушек, 96 пулеметов; 35-й стрелковый полк 4-й сводной дивизии общей численностью в 1 500 штыков, 20

пулеметов, 4-х пушек, бронепоезда «Единая Россия», вооруженного 2-мя морскими пушками;

б) в районе с. Жеребец — 2-я Терская дивизия, имеющая такую же организацию, наличие боевого состава и огневую силу, как и 1-я туземная; Кубанская пластунская дивизия общей численностью до 13 000 штыков, 128 пулеметов и 24 пушек; бронепоездов «Иван Калита» и «Дмитрий Донской», вооруженных 4-я морскими пушками и одной полевой гаубицей, при 35 пулеметах каждый. Всего — 24 000 штыков, 8 000 шашек, 477 пулеметов и 71 пушка, что в переводе на стрелков (принимая норму расчета — 1 пулемет равен 50 стрелкам, 1 пушка — 8 пулеметам или 400 стрелкам) означает 84 350. Эта сила должна была покрыть собою участок фронта в 60 верст, что составляет плотность боевой линии на одну версту в 1 406 стрелков. Однако принимая во внимание, что противник концентрировал свои силы у бронепоездов, насыщенность боевой линии выразится на одну версту в 180 765 стрелков.

Наши части были размещены следующим порядком: а) против Софиевки, или 1-й Туземной и Донской сводной дивизий, 35-го полка — наши 3-й Крымский полк Полонского (5 000 штыков, 32 пулемета), 2-я конная батарея Белочуба и пулеметный полк Кожина (7 000 станковых пулеметов на тачанках);

б) против с. Жеребец, или 2-й Терской и Кубанской пластунской дивизий — части 3-го Екатеринославского корпуса: 7-й и 9-й стрелковые полки, общей численностью в 8 000 штыков и 50 пулеметов. Три бронепоезда, вооруженных 2-я пушками и 16 пулеметами каждый, были выдвинуты за ст. Лежину; два бронепоезда к ст. Софиевка, один курсировал от ст. Александровск до Кичкасского моста, где стоял бронепоезд Лонцова, вооруженный одной 4,2-дюймовой тяжелой полевой пушкой и одной 6-дюймовой гаубицей, при 20 пулеметах «максим».

Что касается частей 2-го Азовского корпуса, то есть: 2-й кавбригады (3 000 шашек при 30 пулеметах, 4-х горных орудиях), 4-го Новоспасовского и 6-го Мариупольского полков, общей численностью — 1 000 штыков, 70 пулеметов, 8 пушек, то все они ночью сосредоточились южнее частей 3-го корпуса, для действия на фланг 2-й Терской и Кубанской дивизий. Первая кавбригада 1-го корпуса и 3-я третьего корпуса, общей численностью 6 000 шашек, 60 пулеметов при 8-ми горных орудиях, были закреплены за 2-ым корпусом для действия в тылу противника. Кичкасская переправа охранялась 1-ым Екатеринославским полком Клейна.

Таким образом, нам удалось объединить значительные силы против неприятеля: 28 000 штыков, 9 000 шашек, 1 090 пулеметов, 30 орудий и пушек, что вместе взятое и переведенное на стрелков составит огневую силу в 103 900 винтовок, а плотность фронта одной версты возрастет до 1 722 стрелков, против 1 406 — противника. В данном случае наша стратегия заключалась в том, чтобы к намеченному предмету действия подвести более значительные силы, чем их имеет неприятель и расположить их именно так, чтобы главный удар приходился на тыл и фланги главных частей противника. Это и было превосходно исполнено к утру 8-го ноября.

Всю ночь накануне сражения противник щупал наше расположение, не проявляя активной деятельности главных сил. С нашей стороны принимались возможные меры, чтобы скрыть огневые узлы, линейные части и резервы. Под утро 8-го ноября было замечено уплотнение неприятеля вдоль железных дорог. Бронепоезда артиллерийским огнем ощупали станцию Лежину, с. Натальевку, разъезд Янцево, но наши части не отвечали. Ровно в 6 часов утра противник всей массой (2-й Терской и Кубанской дивизиями), бронепоездами «Иван Калита» и «Дмитрий Донской» навалился на наши гарнизоны хутора Степного, ст. Лежиной, хутора Ильинского и с. Натальевки, где стояли части 3-го корпуса (7-й и 9-й стрелковые полки, при трех бронепоездах). Силы были не равны. Чтобы выиграть сражение, было отдано распоряжение 3-му корпусу с боем отходить к селу Мокрому, базируясь на Александровск. Частям 2-го Азовского корпуса (4-му и 6-му стрелковым полкам, 1-й, 2-й и 3-й кавбригадам) было отдано распоряжение: с выходом основного ядра противника на Мокрую ударить по его тылу и во фланг, а 3-му Крымскому стрелковому и пулеметному полкам — удерживать линию Янцево – Михайловка.

Со стороны Славгорода также двинулись: 1-я Туземная и Донская сводная дивизии, 35-й стрелковый полк и бронепоезд «Единая Россия». Первый удар принял на себя пулеметный и 3-й Крымский полки, два бронепоезда. Огневые силы были на стороне противника, но наши успешно защищались. К обеду на всем участке бой был в разгаре. Бронепоезда соперничали между собой и потому, что наши уступали перед противником по дальностью, пришлось навстречу пустить два паровоза, предварительно выдвинутых для этой цели впереди своих бронепоездов. Первый налетел на «Единую Россию» и забурил его у Софиевки настолько, что вывел из строя: второй налетел за стрелкой ст. Лежина на «Ивана Калиту» и ударом смял паровоз и взорвал запас снарядов первой площадки — тоже вывел из строя и загрозил путь. Но противник развивал атаку. Наши входили в Мокрую, оставляя станцию Янцево; противник свирепел, наседал.

Из Александровска я отправился в штаб 2-го корпуса, чтобы руководить там главным ударом. К 12 часам дня шла усиленная стрельба по всей линии к северу, гудело русское «ура». Был туманец, моросил дождь, когда мы вышли в тыл противника. Степной занимался 2-й Терской дивизией, впереди с. Мокрое цепями раскинулась Кубанская сводная дивизия: наши защищались. 4-му и 6-му стрелковым полкам было дано указание действовать на фланг Кубанской дивизии, а трем бригадам кавалерии (9 000 сабель) — напасть с тыла и уничтожить 2-ю Терскую дивизию. Я был с кавалерией. Подходя глубокой балкой к хутору Степному, мы подняли 2-ю Терскую, которая бросилась на нас в атаку. Но будучи сбитой, она устремилась на свою пехоту, преследуемая нашей кавалерией. Пехота противника начала отступать, наша наступать. К трем часам пополудни незначительные остатки белых бежали на Мирюлюбовку, оставив на поле боя изрубленными до 7 000 человек, из которых около 2 500 всадников 2-й Терской дивизии. Наши потери незначительные.

Тем временем, к северу противник развивал атаку. Наши с боем отходили. Донская дивизия пыталась теснить за ст. Мокрую наш пулеметный полк, вытянувшийся влево от железной дороги до Павлюкичассы, с группировкой в этом пункте 3-го Крымского полка Полонского, против которого действовала 1-я Туземная дивизия и который, боясь решительного боя с Туземной в поле, начал переходить Кичкасский мост. Сдача противнику единственной переправы граничила чуть ли не с изменой Полонского. 1-я Туземная дивизия набросилась

на пулеметный полк во фланг. Были героические моменты наших пулеметчиков, после воспетые армией. Естественно, надо было спасти положение северного участка. Во фланг Донской сводной дивизии были двинуты 7-й и 9-й стрелковые полки, а в тыл — три бригады кавалерии. В результате боя донцы, потеряв до 40% своего состава, бежали на Софиевку, а Туземная, потеряв в бою с пулеметным полком до 30% бойцов, при виде движущейся на нее массы кавалерии, без боя бежала на с. Михайловку и Ново-Гупаловку, откуда была брошена на г. Екатеринослав.

Таким образом, противник был разбит на всех участках у г. Александровска и, отступив от него на довольно внушительное расстояние, поджидал подкрепления с тем, чтобы снова на нас обрушиться.

Подобрав трофеи и усилив восточную завесу против Бердянска, Б. Токмака, Орехово и Александровска, первый, второй и третий армейские корпуса в ночь на 9-е ноября начали покидать левый берег Днепра и отходить на правый, через Кичкасскую переправу. Приказом по армии им отводились новые боевые участки по линии течения Днепра: 1-му корпусу — Карнаухова, Диевка, Екатеринослав, Волосское, Башмачка и Федоровка; 2-му — от Федоровки через Кичкас — Хортицу, Беленькое до Никополя включительно. 3-й корпус был отведен в резерв. Корпусная конница была брошена на Екатеринослав, куда с ней выехал и штаб.

К этому времени 3-й армейский корпус генерала Слащева, сосредоточившись в районе станции Знаменки, повел наступление на г. Екатеринослав, выделив войска для прикрытия своего левого фланга и занятия станций Долинская и Кривой Рог[747]. Осенняя погода до такой степени испортила грунтовые дороги, что переброска по ним войск представляла большие трудности. Поэтому Слащев решил бросить 3-й корпус к Екатеринославу по железной дороге в поездах с двумя бронепоездами во главе. Поезда были пущены трамвайным порядком, в результате чего боевой порядок получился очень узким по фронту, но глубоко эшелонированным. Слащев рассчитывал проскочить таким путем через станции: Пятихатки — Верховцево — Верхнеднепровск — Запорожье — Сухачевка — Екатеринослав.

Завязались упорные бои.

С нашей стороны в этих боях участвовали: 1-я Украинская дивизия Бибина, которая занимала села: Михаютовское, Павлово, Петриковку, Аполлоновку, Кринички — район, что по обоим берегам Днепра между Верхнеднепровском и Екатеринославом, отряд Дякивского и отряды Мятяжа.

Со стороны противника в наступлении на Екатеринослав принимали участие: 3-й армейский корпус, части 2-й сводной дивизии, бригада губернской стражи и 1-й Кавказский полк.

На рассвете 8-го ноября белые неожиданно прорвались в город и к концу дня заняли его с незначительным сопротивлением нашего 13-го полка, отступившего на с. Сурско-Литовское. Развивая успех, Слащев переправил через железнодорожный мост на правый берег Днепра весь 1-й стрелковый Кавказский полк, Донскую кавбригаду и чеченцев, недавно имевших с нами бой у Александровска, которых сосредоточивал южнее Екатеринослава для

решительного наступления на нас.

Член Екатеринославского губкомпарта, свидетель тех событий, так объяснил причину прорыва генерала Слащева:

«Оставление Екатеринослава махновцами было тесно связано с деятельностью стоявшего под Каменским (Днепродзержинск) повстанческого отряда атамана Дякивского (с петлюровской ориентацией). Этот отряд вошел в контакт с махновским штабом, получил от него огнеприпасы, орудия и боевые задания, но при наступлении белых на Екатеринослав он предательски уклонился от участия в военных действиях, благодаря чему создалась брешь в махновской оборонительной завесе...»[748].

Но крупные наши силы присутствовали в тылу, пройденном узким коридором Слащевым, в районе Карнауховских хуторов и с. Михайловки[749], которые закрыли ему путь к отступлению, перерезав железную дорогу.

Потеря города, где мы базировались, послужила поводом к быстрому нашему отходу из Александровска и заставила нас форсировать переброску 1-го Екатеринославского полка Клейна и 1-ю кавбригаду на Екатеринослав, что и было исполнено к 9-му ноября.

В ночь на 11 ноября мы без боя очистили Александровский район окончательно, с Кичкасского моста были сняты рельсы и сожжен настил, вся Александровская флотилия была спущена вниз по Днепру на Никополь.

Версия #3

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 5 апреля 2025 23:10:56

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 5 апреля 2025 23:51:39